

Роман
Сенчин

Русская

Зима

Две истории бегства

Лауреат премий
БОЛЬШАЯ КНИГА
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Новая русская классика

Роман Сенчин

Русская зима

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенчин Р. В.

Русская зима / Р. В. Сенчин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-135336-0

В новой книге Романа Сенчина две повести — «У моря» и «Русская зима». Обе почти неприкрыто автобиографичны. Герой Сенчина — всегда человек рефлексии, человек-самоанализ, будь он мужчиной или женщиной (в центре повести «Русская зима» — девушка, популярный драматург). Как добиться покоя, счастья и «правильности», живя в дисбалансе между мучительным бытом и сомневающейся душой? Проза Сенчина продолжает традицию русской классики: думать, вспоминать, беспокоиться и любить. «Повести объединяет попытка героев изменить свою жизнь, убежать от прошлого. Русская зима в повести — синоним русским горкам. Судьба персонажа меняется этой зимой» (Роман Сенчин).

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135336-0

© Сенчин Р. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

У моря	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роман Сенчин

Русская зима

У моря

Про условия помните? – Хозяин стоял между ним и дверью, поигрывал ключами на колечке. – На длительный срок. От шести месяцев.

Можно было решить, что если услышит «четыре», не поселит. Но Сергеев не стал дразнить – был настроен жить здесь до упора. И сейчас ему казалось, что упор далеко-далеко. На то, чтоб только отоспаться, уйдут многие недели, чтоб снова набраться сил – год. Если получится набраться. В его возрасте это сложно.

– Да, помню. Всё в порядке.

Хозяин был высокий, широкий, большой. Наверняка сам строил этот домик... Конечно, нанял бригаду профессионалов, но вряд ли оставался в стороне и просто наблюдал.

– Как зовут вас? – повернулся к двери.

– Олег.

– А, да, Олег. – Один щелчок замка, другой. – А меня – Рефат.

– Да, я помню.

– Что же, проходите. Вот...

Рефат говорил по-русски хорошо. Лучше и внятней многих русских. Но эта внятность и выдавала в нем нерусского. Или не совсем русского. Хотя если бы не имя, Сергеев вряд ли сейчас подумал об этом. Волосы русые, черты лица вполне славянские...

Прихожая. Напротив входной – дверь в туалет и душ, налево – довольно просторная кухня, дальше – спальня. Стенной шкаф с зеркалом.

– Подушка, одеяло, – говорил Рефат. – Постельное белье – ваше. Я писал.

– Да.

– Плита газовая, с баллоном. Будет кончаться – звоните. Посуды нет. Предупреждал.

– Да, да...

Хорошо хоть имелись стол, стулья, тумбочка. И крошечный холодильник.

– Вода греется в колонке, – Рефат завел Сергеева в туалет. – Вот душ, исправен. Стиральная машина...

– Хорошо.

– Бумагу прощу в унитаз не бросать – канализация автономная, бактерии бумагу не едят.

– Да...

– Полы теплые. Вот реле. Регулируйте. Днем если тепло, лучше отключать – много электричества жрут.

Сергеев кивал почти машинально. Хотелось по-настоящему одного – чтоб хозяин закончил церемонию вселения и ушел. И остаться одному, в тишине. Упасть на кровать.

– Значит, устраивает? – Рефат как-то настороженно-подозрительно посмотрел на Сергеева, будто не веря, что он так запросто согласится здесь поселиться, тем более «на длительный срок». Покосился на небольшой его чемодан, на тонкую сумку для ноутбука. – Это все ваши вещи?

– Пока – да. Пока – достаточно... Всё нормально, – сказал Сергеев.

– Тогда, – Рефат сделал паузу, – рассчитаемся? Пятнадцать за месяц и десять – залог. Только наличкой!

– Да, вы предупреждали. Я помню.

Сергеев вынул из внутреннего кармана пальто бумажник. Хороший, кожаный, фирмы *Virronen* – московские ребята делают, и не хуже каких-нибудь итальянцев...

Пять бордовых купюр Рефат принял без особой радости, даже слегка скривился. Сергеев не стал спрашивать почему. И про договор не спросил. Обычно ведь договор аренды заключается... Но, может, лучше без договора – паспортных и прочих данных. Вселился просто человек – и стал жить.

– Вы один будете?

– Да.

– Тогда я лишние ключи отстегну. А то... Если свой потеряете – звоните.

– Хорошо.

И вот ключ с колечком на ладони Сергеева. Дверь закрылась.

Он включает пол – в доме прохладно; ноябрь и здесь ноябрь.

Можно падать.

* * *

Много лет он работал. И устал. И бросил работать.

У него скопилась некоторая сумма – недостаточная для того, чтобы купить домик в каком-нибудь не самом глухом углу страны, но позволяющая пожить пару лет в съемной квартире. И он выбрал квартиру не в человейнике на краю мегаполиса, а вот такую – в напоминающей одесскую из фильмов двухэтажке на шесть квартир, с лестницами и террасой. И главное – с видом на море.

Нашел ее на «Авито», списался с хозяином и прилетел.

Двухэтажка находилась в дачном поселке Буревестник. Буревестник-2, если точно. С одной стороны на карте была обозначена Антоновка, с другой – Михайловка. И он, Сергеев, посередине. Спрятался.

...В первое утро проснулся поздно и, не вставая, долго привыкал к месту, где будет жить.

Спальня прямоугольная, небольшая, но без лишних вещей ощущения тесноты не создается. Двухспальная кровать, удобный матрас. По крайней мере, спину не ломит.

Он научился отличать хорошие матрасы от плохих. Это в двадцать лет спится хоть где и на чем, а в сорок семь...

– Так, так, так! – Сергеев остановил внутренний гундёж, поднялся, помахал руками, присел несколько раз. Отодвинул плотную, тяжелую штору. За окном было бело. Как молоком затопило. Нет, сметаной – густой и вязкой.

Не сразу сообразил, что это туман.

Пошел курить. Терраса – удобно... По пути снял с вешалки пальто, накинул.

Думал, будет зябко, а оказалось тепло. Туман – как пар. Вдыхать страшновато, кажется, вольется в легкие, и захлебнешься.

Раздышался. Закурил. Пепел решил стряхивать вниз, а окурок занести в дом, залить водой из-под крана, завернуть в туалетную бумагу, бросить в урну... Надо что-то под пепельницу приспособить.

Внизу – определил по звуку – открылась дверь. Шаги. Стряхивать пепел стало опасно.

– Ну видишь же мряка какая. Как тут гулять? – гулко и одновременно приглушенно, будто через огромную подушку, раздался женский голос. – Рада, пойдем домой!

– Не-не-не! – ответил детский.

И на видимом Сергеевым сквозь белые неподвижные клубы пространстве узкого двора появилось, задвигалось маленькое, розоватое пятно; наверное, та самая Рада.

Пятно достигло забора и стало толкаться в него:

– Не! Не!

К розоватому пятну двинулось большое и темное – скорее всего, мать.

– Доня, пойдём. Пойдём, я мультики найду.

– Не! – отрицательно-напряжённое в ответ, и мягкие удары в камень забора. Кулачком или каким-нибудь мячиком.

Сергеев осторожно сдул с ладони пепел. Старался не шуметь – почему-то не хотелось, чтоб его заметили.

– Рада, ну что ж такое? Мама домой хочет, маме тут страшно. Пойдём.

Сергеев тоже чувствовал нечто вроде тревоги в этой белой плотной мряке; развернулся, открыл дверь. В спину ударило особенно громкое:

– Не!

И следом бухнул из-за забора тяжёлый собачий лай.

Ребенок заплакал, женщина закричала:

– Умка, фу, перестань!

* * *

Ходил по квартире и... Нет, не «наслаждался» – другое какое-то чувство грело и моментами подпекало. Подпекало так, что хотелось свернуть горы... И опять же не то – не «хотелось», а возникала уверенность, что вот здесь, в этих стенах горы можно, вполне реально свернуть.

Первый раз нечто подобное Сергеев испытал в неполные пятнадцать. Умер дед, и освободилась комната – настоящий кабинет, обе глухие стены которого от пола до потолка были укрыты стеллажами с книгами.

Дед был историком, клял власть, которая не хотела правды, почти не публиковался – его статьи возвращали в грязных бумажных конвертах с шеренгой марок в верхнем правом углу. Марки Сергеев отпаривал над чайником, сушил и вкладывал в альбом. Впрочем, почти все они были одинаковые, и в конце концов он забросил это занятие... А дед молча и сосредоточенно читал короткие письма из редакций, рвал их, из раза в раз слезно рыча:

– Не хочет правды власть... Не хочет... Бой-ится...

Умер он в начале перестройки, когда власть наконец-то правду разрешила. И дед весной восемьдесят шестого воспрянул, а ближе к осени стал разваливаться. Буквально.

Это, наверное, были микроинсульты, жалившие его один за другим: речь стала как у пьяного, потом перекосило лицо, потом правая нога не стала слушаться, потом вся правая сторона. В больницу он не хотел – отбивался палкой от родителей Сергеева и врачей скорой. Умер в своем кабинете на большом, но узком, не для спанья, диване.

Родители почувствовали явное облегчение, а Сергеев попросту радость. Во-первых, дед все последние месяцы его пугал своим видом, несвязным громким мычанием, а во-вторых, он стал обладателем отдельной – своей – комнаты. С детства спал на топчанчике за кухонной дверью, уроки делал в зале – одновременно спальня родителей – за обеденным столом, и вот – переезд.

Хотел сделать ремонт. Сам. Часть книг выбросить или отнести в библиотеку – родители к ним были, в общем-то, равнодушны, – наклеить светлые обои, повесить не такие толстые шторы, вместо абажура, из-за которого в комнате вечно сохранялась полутьма, повесить люстру, диван сменить на удобную, широкую тахту...

И в этой обновленной комнате, казалось ему, он начнет отлично учиться, наберется знаний, найдет смысл своей жизни. Да, в пятнадцать лет ему очень нужно было понять, для чего живут люди, для чего появился он сам.

Но родители были против ремонта: «Пусть пока так, хотя бы до сорокового дня. Нехорошо сразу после похорон – плохая примета». Сергеев согласился, а потом уже не возобновлял о ремонте разговоры – привык. Вжился. И пыл всерьез учиться как-то пригас; на диване так

приятно дремалось после школы, абажур создавал ощущение, что ты в своем мирке – уютном, тайном...

Во второй раз случилось в армии. Сергеев тогда всю сочинял стихи, в прямом смысле бредил ими – на строевой подготовке, на политзанятиях, за чтением устава, во время маршбросков в голове колотились рифмы, слагались в строфы. Однотонные звуки рождали ритмы, размеры.

Но занести стихи на бумагу возможности почти не случалось. Свободного времени было мало – даже в отведенный раз в неделю час для «писем на родину» полагалось писать именно письма. Сергеев, конечно, умудрялся кое-что набрасывать, но страх, что это увидят сержанты, деды, да и свои же одногодки, начнут докапываться, мешал уходить в то измерение, что называют «поэзия». А то, что его строки и строфы, переполнявшие мозг – это поэзия, Сергеев тогда был уверен. И страдал. И вспоминал прочитанную подростком биографию Тараса Шевченко. Как ему запрещали писать и как ему было от этого невыносимо.

Но однажды Сергеев подхватил ветрянку.

Почти неделю провел один в палате. Совершенно один! Еду приносил санитар в маске, врачи не понимали.

И в первые часы в Сергееве полыхало вот это прекрасное, отрывающее от земли чувство: «Здесь-то я смогу! Здесь сверну!..» Руки чесались, голова кружилась... Но не было бумаги – тетрадь, которая хранилась в тумбочке, он не захватил, а санитар по его просьбе принес всего два листа.

Когда, быстро исписав их, Сергеев попросил еще, санитар уставился на него недоуменно и с подозрением. Действительно, зачем этому рядовому столько бумаги – жалобу, что ли, строчит, или еще чего хуже. Может, в особый отдел доложить?.. «Ладно, не надо, – сказал Сергеев. – А книги есть? Почитать».

Санитар принес стопку книг. Всё это была беллетристика о войне, которую сочинили люди, явно не воевавшие. Сергеев полистал, поползал взглядом по страницам, и потянуло в сон. Сон этот продлился все те дни, что провел в карантине. С короткими перерывами на еду...

В следующий раз его подбросило от уверенности, что сейчас-то здесь-то всё сможет, в двадцать восемь лет. Он давно окончил институт, женился, у него была дочь. Зарабатывать получалось с переменным успехом – как говорится: часом с квасом, порой с водой. Жене надо-ели эти перепады, Сергеева она, может, и не разлюбила, но перестала уважать. И наверное, подсознательно, не желая того, выдавливала, выживала из дому. Может быть, так же первобытные женщины выживали из пещеры неспособного охотиться мужчину, надеясь найти того, кто способен.

И Сергеев ушел.

В институте его помнили, он хорошо учился, подавал надежды и отчасти оправдал их. И когда рассказал в деканате, что остался без крыши над головой, что снимать квартиру ему сейчас не на что, дали комнату в общежитии. Не бесплатно, но такую сумму Сергеев мог потянуть. Главное – это двенадцатиметровое пространство было только его.

Запущенное, правда, с истертыми, а кое-где отставшими от стен обоями, с покрывалом вместо шторы, рассыпающимся стулом, горками мусора по углам, выбитыми паркетинами.

Странно, но эта запущенность Сергеева, наоборот, обрадовала. Вернее, воодушевила. Он раздобыл ведро, тряпку, веник и навел порядок. Купил тюбик «Момент» и прилепил обои – новые, решил, наклеит потом. Покрывало на окне пока оставил – этакий аскетизм казался вдохновляющим.

У коменданта выпросил новый стул, у кастаньяши получил белье, одеяло, выбрал перьевую подушку поновее. И сел работать – сворачивать горы.

Так, как писалось ему в те пять с небольшим месяцев, больше не повторилось. Сергеев выходил на улицу редко и чувствовал себя пьяным. Даже продукты купить было трудно – до такой степени погружался в пространства, которые создавал.

Потом появилась новая женщина, и Сергеев переехал к ней. Потом встретилась другая. Потом второй раз женился; родился сын. Через двенадцать лет, долгих и одновременно молниеносных, развелся.

Съемная квартира в Митино была тоскливой и бесплодной – того ощущения благотворного одиночества в ней не возникло. Работал, да, работал, но каждый день через силу...

И вот, оказавшись свободным от женщин, от срочной работы, с суммой денег на скромную жизнь, Сергеев решил попробовать снова испытать то ощущение.

* * *

На завтрак доел привезенное с собой: плавленый сыр «Президент», булочки для бургеров, кефир в пластиковой бутылке, измявшийся маффин.

Под пепельницу как раз приспособил кефирную поллитровку: непрозрачная, пусть стоит на террасе рядом с дверью – мало ли что в ней...

Туман к полудню исчез. Небо стало высоким и голубым, совсем летним. Солнце пока скрывалось за крышей их дома, но было ясно – только доползет до ее края, и на террасу вернется лето.

Сергеев медленно выкуривал сигарету за сигаретой, оглядывал местность. Накануне в полутьме он мало что увидел...

Прямо и внизу узкий двор – буквально шагов семь от стены до каменного забора. За забором соседский участок. Без дома, с какой-то белёной сарайкой. Несколько кривых деревьев, одно держит на себе большие желтые плоды – отсюда не разобрать, какие именно. Напоминают яблоки «голден».

Когда-то участок явно был благоустроен – дорожки, клумбы, газончик – но теперь захламлён и запущен – груда трухлявых палок, горка алюминиевых кастрюль, ламповый телевизор, диван с отвалившимися подлокотниками. И меж этими горками и грудями бродит огромное животное, напоминающее белого медвежонка. Больного белого медвежонка.

Вяло нюхает деревья, землю, кастрюли, доски, оглядывается по сторонам, тянет носом, задрав продолговатую голову на толстой шее. Это, конечно, никакой не медведь, а собака. Кажется, алабай, но вряд ли чистокровный – морда слишком вытянутая, действительно медвежья.

Иногда начинает лаять, беззлобно, будто заставляют, и быстро смолкает. Ложится, встает, снова бродит, обнюхивает наверняка изученную до мельчайших деталей территорию.

За этим участком – дорога. Сергеев догадывался, что она связывает Антоновку с Михайловкой. Почти напротив террасы – жестяная коробка автобусной остановки. Иногда останавливаются зеленые, короткотельные автобусы, напоминающие пазики.

Дальше полоса то ли заброшенного и заросшего поля, то ли остаток степи-целины, а за ней – море.

Сейчас, когда небо чистое, оно светло-голубое, на вид теплое и ласковое. Может, действительно теплое – хоть и начало ноября, но холодов больших еще не было. Сергеев в последнее время, готовясь приехать, следил за погодой здесь по интернету.

Да, интернет... Вот о чем забыл спросить вчера хозяина – есть ли тут вайфай. Если есть, какой пароль... А с другой стороны, лучше пока без него. И про три джи забыть, и про все остальное.

Забыть и впитывать настоящую жизнь. Которая окружает. Это жилище, клочок земли вокруг, море... По полдня будет проводить у моря, слушать волны, что называется, созерцать,

не пуская в голову всякую муть. Общаться с людьми. Простыми. Он ведь разучился. И с хозяином, Рефатом, так вел себя не из-за усталости, а просто – отвык разговаривать с простыми.

Но теперь они рядом, только они. Внизу бегают двухлетняя девочка со своим «не!», за ней следит ее мама; из соседней квартиры выходит девушка – совсем юная, миловидная, но какая-то бесконечно грустная. Кладет руки на перила и смотрит вдаль взглядом Ассоль... Познакомиться с ней, узнать ее историю. Это ведь полезно, это расширит... Да, сузил он свой мирок, но – вырвался, и нужно воспользоваться. Пожить.

Накурившись до того, что рот вязало, как после неспелой черемухи, Сергеев возвращался в квартиру, ложился на кровать. Некоторое время лежал в приятной, словно речка со слабым течением, полудреме. Время от времени приподнимался на локте, делал глоток- другой «Бонаквы» из двухлитровой бутылки. Правда, бутылка была почти пуста... Сходит, сходит попозже, купит...

Сейчас он ни о чем не жалел. Ни о проектах, из которых после несогласованного отъезда из Москвы наверняка выбыл, ни о брошенных вещах, которые сейчас, скорее всего, уже превратились в такую же горку хлама, как в соседнем дворе.

Нужно обновляться, очищаться. Обнуляться, как говорит молодежь. Сбрасывать время от времени скопившийся груз.

* * *

Но вечно лежать не будешь. Нужно устраиваться. Снова обрастать необходимым барахлом. В чем-то готовить пищу, чем-то вытирать свое тело после душа. Что-то есть и пить, в конце концов.

Вода кончилась, а набирать из-под крана Сергеев опасался. И голод ближе к вечеру стал доносить всерьез. Стемнеет, и куда он... Рядом, успел заметить вчера, магазин.

Заставил себя надеть джинсы вместо треников, обувь туфли. Глянул наличку – три купюры по пять тысяч, двухсотка, две сотни...

Девушка снова стояла на террасе, смотрела на море. Ну, по крайней мере в ту сторону. Потом повернула лицо к нему. Первый раз за день. Сергеев кивнул и улыбнулся:

– Здравствуйте. Я ваш сосед теперь. Олег.

И она улыбнулась. Неожиданно открыто, светло. Ведь только что была грустной. И сказала:

– А я – Алина.

– Очень приятно. – Сергеев положил ключ в карман. – Давно здесь?

– Почти два месяца.

– М-м... – По ее интонации он не понял, давно это для нее или нет. – И как?

– Так.

Она снова погрузилась, поскучнела – на лицо будто тень упала – и отвернулась. Разговор, типа, окончен. Сергеев пошел в магазин.

Во дворе вдоль стены первого этажа были пластиковые столы, стулья, два мангала, сушилки для белья. Детские игрушки. Заметно, что люди тут обитают не первую неделю.

Сергеев провел взглядом линию от окон через двор. Глаза уперлись в бетонную серость забора. Невеселый вид... Забор понизу был в солнышках, волнах, лодках, цифрах и буквах. Наверняка дети рисовали мелками. Но одна надпись, выше, сделана явно взрослой рукой – «Дом радости».

Сергеев иронично и сочувствующе покривил губы. В этих словах слышалась отчаянная попытка убедить себя, что им радостно... Может, радость и была, но летом, в сезон. Впрочем, и летом из окон или из кресла во дворе глаза видели этот забор. Такой же серый и крепкий

забор, что и сейчас. И Сергеев порадовался, что квартира ему досталась на втором этаже. Хоть простор какой-никакой. Да нормальный – с морем.

Возле ворот стояла черная «ауди» с сине-желтым флажком соседней страны на номере... Хм, не боятся с таким номером здесь раскатывать... Хотя – накануне ее не было, значит, приехали по темноте, загнали во двор... Ладно, не его дело.

Открыл калитку, вышел на улицу. Закрыл. И когда замок щелкнул, понял, что код-то не знает. Или не запомнил. И снова пожалел, что так отнесся к инструкциям хозяина.

Да, вот она, вот она – отвычка общения с обычными людьми. В гостиницах общаться практически не надо, на работе почти всё решается в письменном виде, в семье...

Из семьи Сергеев ушел этой весной, но казалось, многие годы назад... Они с женой в последнее время почти не разговаривали, с сыном – тоже. Сын лет с восьми перестал задавать ему вопросы, спрашивать совета, просить почитать на ночь книжку или что-нибудь рассказать – зажил как-то отдельно. В плане, хм, так называемого внутреннего мира. И Сергеев в этот внутренний мир не совался.

Лишь перед самым уходом, видимо, что-то почувствовав – хотя бурных сцен они с женой при сыне не допускали, – стал липнуть к нему, снова, как в детстве, сыпал вопросами, словно пытаясь набраться опыта, узнать об отце больше, запомнить его. По крайней мере, Сергееву хотелось в это верить...

Почти напротив калитки, по ту сторону улицы, у забора сидел черный, маленький, но очень толстый мопс. Сидел не на земле, а на подушечке. И громко, захлебываясь и хрипя, дышал. Страдальчески смотрел на Сергеева.

– Привет, – сказал Сергеев, и это слово показалось ему неуместным, глупым, лживым каким-то; отвел глаза.

* * *

Магазин был крошечный, типично дачный. Ассортимент составляла еда, лишь вдоль ближней к двери стены на полочках за стеклом находились средства первой бытовой необходимости: туалетная бумага, салфетки, зубная паста, презервативы, рулончики пакетов для мусора, игральные карты.

– А посуды нет? – спросил Сергеев.

Продавщица, немолодая, с каштановыми волосами и в очках в толстой, наверное, мужской оправе, посмотрела на него удивленно. И даже не сразу нашлась с ответом:

– Тут у нас... Посуда, все хозтовары в Михайловке. Или в городе. У нас – не бывает.

– А до Михайловки сколько?

– Что?

– Михайловка далеко?

– Да километра три. Автобус ездит каждые полчаса. – Продавщица отвечала, но взгляд стал подозрительным, тревожным. И – не выдержала: – А вы приехали откуда?

– Приехал... Вчера.

– Ясенько. Жить или так?

– Пожить пока что.

– Беженец?

– Нет... Из России.

Продавщица поджала губы:

– Как-то не вовремя пожить решили.

– Почему?

Такая переборка фразами стала Сергееву интересна. Да и полезна – он давно заметил, что люди, живущие в разных районах страны, общаются несколько иначе. Это зависит

не от диалекта, не от тональности произнесения звуков – дело, кажется, в способе мыслить. В Москве и Сергеев, и продавщицы, и водила из «Яндекс. Такси» мыслят, в общем-то, одинаково, и им не надо задавать друг другу массу лишних вопросов, переспрашивать, уточнять, а вот коллега Сергеева откуда-нибудь из Екатеринбурга или Красноярска, это уже совсем другое – человек почти с другой планеты.

– Ну как, почему, – отозвалась продавщица с удивлением, но теперь напоминающим удивление взрослого, которому надо объяснить ребенку очевидное. – Холод же, зима почти.

– Это и хорошо.

– Не поняла.

– Есть возможность подумать. На жаре-то не очень думается.

– Как знаете... Брать что будете?

Расплачиваясь, Сергеев протянул ей пятитысячную бумажку. Продавщица аж попятилась:

– А помельче-то нету?

– Есть... Но их не хватит.

– А карта? Не будет у меня с этой сдачи.

– По карте, я слышал, проценты снимаются, – уже вытягивая из бумажника карту Сбербанка, сказал Сергеев.

– Это если в банкомате снимать. А оплата – беспроцентная... С наличкой вообще беда.

Ясно теперь, почему Рефат не обрадовался его пятитысячным – слишком крупные. Не разменять...

Над мопсом стояла высокая стройная женщина в цветастом платье. Вялым, но поставленным голосом уговаривала:

– Яша, пойдем домой. Налетят собаки, опять погрызут.

Мопс хрипел, сопел и с усилием подбирал языком стекающие слюни.

– Здравствуйте, – сказал Сергеев.

Женщина обернулась, кивнула. Черты лица были правильные, красивые даже, а выражение его какое-то сонное, что ли, томное. Но пригляделась, взгляд на секунду-другую ожил, заострился... Да, чужих в эту пору здесь наверняка видят редко...

Калитку открыл без проблем – четыре кнопки были отполированы до блеска. Не составило труда понять, что это и есть код.

* * *

Выкладывая на стол покупки, радостно ощущая себя студентом или просто молодым парнем, начинающим жизнь с нуля, осознал, что вскипятить воду не в чем. Помнить-то помнил, а осознал только сейчас.

Это как электричество когда отключают: ты знаешь, что его нет, но, входя в ванную, щелкаешь выключателем. Так и сейчас...

Приуныл. На ровном, казалось бы, месте, без особых причин, почувствовал резкий и полный упадок сил... Эти переходы от бодрости к немощи его очень пугали, тем более что случались всё чаще. Будто внутри происходили битвы молодости со старостью. Молодость или что-то вроде нее, в общем, то, что делает тебя крепким и сильным, неизменно одерживала верх, но старость и немощь не сдавались – накатывали и накатывали, давили, пригибали, прибивали...

Вот сейчас сидит на стуле – хорошо, что стул рядом оказался – и не может даже рукой шевельнуть, ноги превратились в чугунные трубы, и в то же время дрожат былинками... Да, пустячная проблема возникла, смешная, чуть ли не анекдотичная, но старость воспользовалась и набросилась. Набросилась с какой-то молодой яростью и вымыла, выжгла скопленные им за этот день благодатного покоя силы.

И может, старость и немощь уже не уйдут. Возьмут и останутся. И он будет так сидеть на этом стуле, как парализованный.

Нет, добредет, доползет до двери, позовет на помощь слабым голосом: «Вызовите скорую». И его увезут в дом инвалидов...

Представилось это ярко, четко, точно кино посмотрел. Страшное, жуткое, но снятое отличным режиссером, талантливым оператором. А роль исполнил гениальный актер. И стало легче. И ноги постепенно отпустило, и руки поднялись, и туловище напряжилось.

Поднялся, пригладил волосы, пошел к соседке.

– Алёна, – начал извиняющимся тоном.

– Алина.

– Ой, извините!.. Алина, не могли бы одолжить на пятнадцать минут чайник или кастрюлю? Воды вскипятить. А завтра куплю...

– Хорошо, – очень так запросто, как способны только юные создания, сказала она.

Пошла, чмокая шлепками, в глубь квартиры. И откуда-то оттуда послышалось хриловатое:

– Кто там? А? – Женский голос; вроде, не старушечий, но как у лежачих старух.

– Всё хорошо, тётъ Наташ.

– Рефат опять?

– Нет, – явная нота досады и раздражения. – За кастрюлей. Сосед.

– А?..

Сергеев с интересом прислушивался.

– Сосед попросил кастрюлю.

– Пусть только вернет. Скажи ему...

– Конечно, тётъ Наташ!

Чмоки в его сторону. Возвращается. Сергеев заранее изобразил на лице благодарность.

– Держите. Необязательно сегодня отдавать. Как купите – тогда...

– Спасибо... Спасли.

* * *

Первые дни на новом месте всегда длинные. Много замечаешь, узнаешь, открываешь. Это, наверное, похоже на детство. А потом поезд жизни разгоняется, и окружающее начинает сливаться в один сероватый фон – вскоре мало что можно разобрать, различить.

Да и разбирать-то, на самом деле, не хочется... Нет, не то что прям не хочется, а забываешь, что надо разбирать, отмечать – живешь, как говорится, на автопилоте.

Наверное, путешествия придумали не для духовного обогащения, насыщения впечатлениями – скорее всего, путешествуют, чтобы приостановить мельтешение однообразных дней дома. Провел две недели, месяц в другой обстановке, и снялся с автопилота... Как-то, наверное, так.

– Как-то так, как-то так, – с усмешкой повторял Сергеев, выкуривая очередную сигарету; от собственных мыслей, по сути, банальных, действительно становилось смешно, и тут же радостно и отрадно, что пусть такие, они появляются – в последнее время он, как ему казалось, вообще разучился думать.

Погода не огорчала – было тепло, ясно. Правда, часам к десяти вечера в майке на террасу выходить становилось неприятно, зато небо усыпали звезды, море искрилось, а к тому времени, когда Сергеев просыпался, холод забивался в щели и дыры, на улице хозяйничало почти лето. Почти лето в начале ноября.

Под террасой с рассвета до заката пульсировала жизнь. Иногда разговорами двух женщин-соседок, чаще – нянченьем детей: «Поиграй, поиграй... Туда не ходи... Не суй это в рот!.. Писька вазелинная, ты опять описькалась, что ли?!»

Постепенно Сергеев запомнил имена женщин. Одну, молодую, звали Оля, хотя иногда к ней обращались «Оляна», и этот вариант Сергееву нравился на слух; вторую, на вид лет сорока, Дина.

Дина курила и голос имела хрипловатый, с бурлением; казалось, после каждого слова она может закашляться, и действительно периодически заходила в мокротных приступах, от которых у Сергеева тоже начинало клочкотать в горле и хотелось скорее спрятаться.

Но неприятней всего было то, что она перхала, будто огромная облезлая птица в ржавой клетке.

Оляна – это она в то его первое утро уговаривала дочку идти домой и пугала мрякой – не курила, и, случалось, они с Диной уныло начинали переругиваться из-за дыма.

Мужей ни той, ни другой Сергеев до сих пор не видел. Понял так: мужья работают где-то далеко и даже не на каждые выходные приезжают домой.

Алина, соседка Сергеева по этажу, большую часть дня проводила на террасе. Не выходила покурить – хотя иногда в ее пальцах торчала тонкая сигаретка, – а именно проводила. Стояла, держась за перила и смотрела вдаль или сидела в складном кресле и читала в смартфоне.

Изредка она выводила из квартиры полную рыхлую женщину – тётю Наташу – всегда в каких-то кофтах, платках. Лицо у женщины было нестарое, а вот глаза... В них застыло болезненное изумление. Словно женщина услышала нечто неожиданно-оскорбительное, изумилась, и это изумление ее не отпускает.

Она занимала кресло, превращалась в нем в ком одежды и проводила так, неподвижно, по несколько часов.

В следующей за тётю-Наташиной и Алининой квартире жили муж и жена с девочкой лет четырех. Девочка не играла с детьми снизу; женщина здоровалась с Сергеевым, а мужчина, тяжелый, как таких называли на родине Сергеева – комлистый, даже не кивал.

Кто обитал в крайней квартире на первом этаже, Сергеев не знал, но наверняка это им принадлежала «ауди» с номером соседней страны.

* * *

Главное, что пока не давало ему завертеться в центрифуге ежедневности – а завертеться, он знал по опыту, можно и ничего не делая – было море. Вернее, широкое и глубокое, до горизонта, пространство в трех сотнях метров от дома.

Пространство каждый раз было новым – менялось от перекура к перекуру. Не замечать этого Сергеев не мог – выходишь и сразу в глаза бросается, что оно теперь другое, и поневоле засматриваешься, забывая даже, зачем вышел...

Сергеев не очень разбирался в оттенках цветов, не знал, как их называть. Да в обычной городской жизни такой потребности особо не возникало. Здесь же, при взгляде на море, сами собой начинали биться в голове вопросы: «Лазурь? Бирюза? Капри? Этот... циан?»

Случалось, море исчезало. Нет, оно, конечно, было на своем месте, но глаза его не видели – там, впереди, оказывалась пустота.

Именно – пустота.

Вот дорога, вот полоска степи, а дальше серовато- белое ничто. Ни воды, ни горизонта, ни облаков... Может, это был туман, может, что-то еще; местные наверняка как-нибудь такое состояние называли. У них должны быть специальные слова. Надо узнать...

Красиво было, когда здесь, на суше, светило солнце, превращая осеннюю серость и желтизну в золото, небо – высокое и голубое, без единого прожилка белёсости, а над морем, но

не у берега, а там, далеко, ближе к горизонту, стояли тучи. Не просто тучи, а стена из туч, почти черных, плотных.

Да, и красиво, и страшно. И представлялся шторм, буря, мечущийся среди валов кораблик, людей, которые своими слабыми силами стараются удержать его на плаву, спасти от гибели, довести до золотистой суши. Кораблик обязательно с мачтами, как при Колумбе.

Но парусников Сергеев не замечал, яхт тоже не было, зато почти постоянно наблюдал корабли боевые. Один, два, а то и три стояли неподвижно, словно звенья цепи, прикрывающей берег.

Чуть ли не каждый день над поселком проносились самолеты. Не всегда он успевал их заметить – неожиданно, из тишины, возникал свистящий вой, и пока Сергеев поднимал голову, начинал искать источник, вой менялся на продирающее уши шипение, секундное, острое, и снова становился воем и исчезал.

– Сверхзвуковой, – оправдывал свою медлительность Сергеев.

Зато вертолеты давали собой полюбоваться. Полюбоваться и потревожиться... Часто они возникали будто из самого моря – вот горизонт чист, спокоен, море поблескивает, корабль стоит, как островок или, точнее, камень; тихо, если, конечно, собака Умка не полаивает с тоски, соседи вяло не переругиваются, машины не ездят. Да, часто бывает абсолютная, непривычная после Москвы, тишина. И тут, сначала еле уловимое – чик, чик, чик, чик. Даже не обращаешь внимания. Кузнечик, сверчок какой-нибудь в сарае за забором. Мягко, нейтрально, безопасно стрекочет. Пускай стрекочет.

Но стрекот становится жестче, вот от него начинает свербеть в мозгу. Откуда он? Что?

Бац – и над полоской степи, почти перед тобой – возникают два существа. В первый момент кажется, что это действительно нечто живое. Огромные стрекозы, или саранча, или серые шершни. Винты рубят воздух, а короткие крылья по бокам – то ли с подвешенными пулеметами, то ли с ракетами – напоминают растопыренные, готовые схватить добычу лапки; турбины по бокам от кабины так похожи на выпученные глаза, острый нос – один в один клюв вороны.

И смотришь, зачарованный, оторопевший, как они приближаются. Любуешься и ужасаешься этой мощи созданных человеком стальных полуптиц-полунасекомых. Может, и не стальных, но крепких – не прихлопнуть огромной газетой, их клевок разорвет тебя на клочки, винты превратят в фарш и разбросают на километр.

* * *

Каждый вечер Сергеев обещал себе завтра пойти к морю. Встать с кровати, помахать руками, поприсесть, ополоснуться под душем, позавтракать – и пойти.

Вставал, делал подобие зарядки, а дальше как-то размякал. Для душа часто бывало прохладно, есть еще не хотелось. Варил кофе, выходил с кружкой на террасу. Смотрел на море отсюда. Пока, наверное, этого было достаточно...

С морем он познакомился взрослым. В ранней – доармейской – юности хипповал, но море им, сибирским хиппарям, заменяли реки и озера. Впрочем, и моря там у них были, но искусственные – Красноярское, Братское, Новосибирское...

Настоящее увидел в сорок лет. У сына появились подозрения на астму, аллергия донимала, вирусы (или ей так казалось), и решено было ехать. Выбрали Феодосию: довольно дешевое жилье, к тому же не только в частных секторах, но и в квартирах.

Нашли квартиру в интернете, добрались, вселились. И пошли на берег. И вышли к кафе – веранда у самой воды.

Темнело, под крышей зажглись разноцветные, неяркие, лампочки, играла, не в этом кафе, а где-то в отдалении, музыка. Официантка, домашняя какая-то, своя, советовала им

блюда мягким уютным голосом. Перечисляла диковинные для Сергеева названия: рапаны, сибас, дорадо, бычки, мидии в сыре, ставридка... Да нет, многое он ел, но одно дело в московских ресторанах, а другое – здесь.

С моря надувал ветерок. Легкие такие воздушные волны. И волнами приходил запах чего-то будто слегка подтухшего, но в то же время ароматного, свежего. Сергеев искал слова для этого запаха и нашел – так пахнет спинулина из аптеки... Но искал и нашел не в тот первый вечер...

Когда одна песня заканчивалась, а следующая еще не начиналась, становилось слышно шипение... Здесь был берег, и это шипел песок, отпуская откатывавшуюся воду.

Сергеев смотрел на море, густо-синее, на чернеющий мыс, колышущиеся, размытые отсветы огней, на свою жену, на пятилетнего сына, и думал... Нет, не думал, а без всяких мыслей знал в те минуты, что всё хорошо.

Потом несколько лет снова была Феодосия или соседний Судак, а потом они оказались на окраине Сочи – в Мацесте. Дней десять жили там. Флигелек, заросшая виноградом беседка, пляж, одна и та же кафешка по дороге... Заскучав, решили съездить в центр, но жена в последний момент занемогла, и Сергеев с сыном отправились вдвоем.

Провели в Сочи весь день. Канатная дорога, дендрарий, шевелящиеся кораллы в огромных аквариумах, пальмы, белоснежный порт и белоснежные яхты, памятник героям фильма «Бриллиантовая рука», обед в ресторанчике на пирсе, ледяной мохито, прогулка на быстром катере... Было нежарко, ходилось легко, сын не канючил и не морщился, а был тих от новых впечатлений и, может быть, счастлив. И Сергеев, понимая, что это действительно состояние счастья, наслаждаясь им, в то же время с болью чувствовал, что совсем скоро будет вспоминать этот день примерно так же, как вспоминал свой день счастья старик в исполнении Евстигнеева в «Зимнем вечере в Гаграх»: «Если б можно было хоть на один миг вернуть тот день, я бы всё отдал».

На следующий год с деньгами оказалось неплохо, и они позволили себе Барселону, а потом сын вырос и отказывался ездить – ему интереснее было проводить всё лето в Москве; жена не настаивала, Сергеев тем более.

И вот он у моря один. Сбежал от ставшей чужой семьи, от Москвы, от наползающей на Москву, как всегда, непонятной, без неба, зимы с многодневными дождями, мокрыми снегопадами и горьким реагентом... От всего сбежал.

* * *

Наконец пересилил себя... Нет, вообще-то утро потекло по уже привычному руслу: легкая зарядка, мысль о душе и тут же просьба себе самому: а можно попозже? Варка кофе, выход на террасу... Но внизу ругались женщины, собака Умка, видимо раздраженная их громкими голосами, лаяла особенно противно; в кресле необычно для этого времени уже сидела в ворохе тряпок тётка Наташа. И Сергееву остро захотелось оказаться не здесь.

Быстро съел пару бутербродов с сыром и ветчиной, допил кофе. Обулся, надел куртку и отправился.

Сразу и придумалась конкретная цель – на полоске степи, если забирать слегка вправо, виднелся бугор, а на нем развалины крошечного здания вроде бетонной трансформаторной будки, а еще правее – одинокий дом у самого берега. Стоило узнать, что это за развалины и что за дом.

Сергеев перешел дорогу, заметил тропинку в невысокой сухой траве. Тропинка как раз вела вперед и направо.

Это не целина – земля исцарапана бороздами. Значит, пахали. Но вряд ли засеивали чем-то. Трава сорная, много шаров перекаати-поля, каких-то засохших цветов, напоминающих

звезды. Сергеев хватанул одну и отдернул руку – лучи звезд бритвами врезались в ладонь. До крови...

Сначала матернулся, а потом заговорил насмешливо, поучающе себя:

– Так, это не Подмосковье. И не Сибирь. Здесь всё непросто. Не суй руки куда попало.

И как подтверждение того что всё непросто – гроздь мелких улиток на стеблях травы. Сначала даже подумалось: это ягоды какие-то. Пригляделся – улитки.

Оторвал одну, изучил. Вход в пещерку был залеплен беловатым и твердым, как засохший клей. Явно не первый день так висят. Может, зимовать приготовились? Никогда раньше такого не встречал.

– Ну ты здесь и не был, – ответил вслух, а потом отпарировал: – В интернете не встречал, на «Энимал плэнет».

Сфотографировал, пошел дальше. Внутри разгоралось мальчишеское любопытство к новому...

Чем были развалины, так и не понял. Но явно что-то военное. То ли дот, то ли наблюдательный пункт. Сперва решил, здесь находилось орудие. Поискал место, где бы оно могло быть установлено – бывал на старинной батарее в Кронштадте, – не нашел. Зато обнаружил в подножии бугра покатым бетонный спуск под землю. Дверной проем без двери. Захотелось поглядеть, что там, в черном прямоугольнике. Постоял и не пошел. Оправдался тем, что еще вляпается в дермо или на штырь какой напорется, на змею.

Мог бы включить фонарь в айфоне. Просто жутковато было; Сергеев стыдился этого чувства, но побороть не мог.

На вершине бугра торчали осколки стен, внутри лежали куски бетона. Росла трава, даже какой-то куст. Строение стопроцентно разрушили, но когда? Не исключено, что в сороковых. Здесь были бои, об этом он читал, когда выбирал место... Вот он, наглядный след войны...

От развалин до берега было метров двадцать. Но оказалось, что само море далеко внизу – степь кончалась высоким обрывом. Странно, что еще от бугра создавалось впечатление, что вода вот она, рядом – присядь и потрогай.

– И как спуститься? – спросил Сергеев растерянно. – Интересное дело...

Осторожно, боком, подошел к краю, заглянул.

Море, словно увидев его, зашумело. Размеренно и солидно. Волны накатывались на берег, а потом медленно сползали, шевеля гальку.

Конечно, оно шумело и пять минут назад, и полчаса, и сто лет, просто Сергеев не слышал. Но почему-то было приятно думать, что оно с ним здороваётся. Именно с ним и сейчас. А до этого было неподвижно, спало.

И еще, стоило оказаться над обрывом, появился ветер. Дунул в лицо, затем тут же толкнул в один бок, в другой, обдал кисловатым запахом.

Ветер слабый, но Сергеев на всякий случай шагнул назад. Мало ли... Сейчас успокаивает порывами-поглаживаниями, а потом возьмет и сбросит вниз.

Еще отошел, достал сигареты, закурил. Затягивался редко, приятнее было дышать струившимся дымом. Смешиваясь с запахом моря, он приятно волновал. Может, напоминал тот первый вечер в Феодосии...

Смотрел на гребешки новых и новых волн, идущих к невидимому отсюда берегу, на размытую грань горизонта, на белые полосы облаков за чистым и голубым небом. На стоящий неподвижно корабль... Смотрел, пытался любоваться, задуматься о чем-то таком, о чем приятно задумываться у моря, или ни о чем не думать, а – что называется – созерцать. Древние греки умели созерцать, останавливать мысль и вслед за этим получать озарения. Наверное, кто-то умеет и сейчас...

А к Сергееву и мысли подходящие не приходили, и созерцать не получалось. Еще и сигарета не истлела, а уже надыхался, насмотрелся, стало скучновато.

Обернулся направо. Отсюда одинокий домик был виден хорошо. Приземистый, с почти плоской крышей, белыми стенами; рядом полукруглый ангар, ГАЗ-66 с тентом, явно военный, а может, какой-нибудь геологический. Во дворе торчит мачта антенны. Скорее всего, радиостанция.

Близко лучше не подходить – еще примут за шпиона. Здесь такое часто происходит. Слышал в новостях.

Пополз взглядом вдоль обрыва. Заметил – кое-где его края отслоились и висят на честном слове, нарушая законы физики. Почему-то вспомнились башни храма Гауди в Барселоне...

Сергеев снова заглянул вниз. Высоко, примерно с пятиэтажку. Или больше... Кое-где виднелись обвалы, один свежий, другие поросли травой.

От моря до обрыва метров двадцать. Неужели бывают такие штормы, когда волны добегают до стены? И подмывают. Но почему тогда куски отслаиваются сверху? Наверное, все-таки из-за дождей. Скорее всего...

В какой-то серии «Неуловимых мстителей» погоня была вдоль такого же обрыва... Нет, там камни были, а здесь... Здесь глина. Понятно, что ее размывает ливнями, весной, когда снег тает. Если он тут, конечно, ложится... Но в любом случае – влага точит и отслаивает по кусочку.

Лет через двести, ну или пятьсот, в общем, через короткий по геологическим меркам срок и их дом сползет.

* * *

Во дворе вихрило непривычное, в первый момент испугавшее Сергеева оживление. Суматоха, скорее. «Пожар, что ли?»

Нет, пожара не было. Но Оля с Диной в спешке выносили из своих квартир половички, коврики, стулья, обувь. Причем, занимаясь одним и тем же делом, будто не замечали друг друга, и дети не играли, а напряженно и молчаливо наблюдали за матерями.

– Что у вас такое, барышни? – не сдержал он любопытства.

– Муж приезжает! – радостно сообщила Дина и перхнула.

– Виктора на два дня отпустили! – Оля улыбалась во весь рот. – Порядок навожу – надо ж принять...

– Наломался на стройке этой, – не дав ей договорить, а вернее, словно бы не слыша, перебила Дина. – Почти две недели без выходных.

Сергеев изобразил сочувствие.

– А где они работают?

– Дорогу строит.

– На трассе Витя мой. Укладчик!

Сергеева и забавило это детское какое-то соперничество женщин, и сочувствие скребло грудь. Понимал, как они друг другу надоели за полгода, или за год, или сколько там они живут бок о бок, каждодневно то вольно, то невольно наблюдая друг друга в этом напоминающем тюремный колодец для прогулок дворе. И снова порадовался, что ему досталась квартира на втором этаже.

– Ну ладно, – кивнул поочередно, – готовьтесь. И чтоб всё у вас хорошо было!

– Спасибо!

– Спасибо вам!..

А вечером во дворе был праздник. Вкусно пахло шашлыком, укропом, раздавались веселые мужские голоса и женский смех; мальчик и девочка что-то требовали и хныкали, но не плакали – Сергеев помнил, что так дети их возраста проявляют свое участие в застолье... Когда в очередной раз вышел на террасу покурить, его заметили и позвали к столу.

Он был не против, но из вежливости стал отказываться:

– У вас ведь семейное... А у меня и нет ничего... Алкоголь здесь не продают...

– Да у нас полная чаша! Айдайте!

Сменил треники на джинсы, шлепки на туфли. В последний момент прихватил нераспечатанную сырную нарезку. Спустился.

На террасе было еще относительно светло – солнце хоть и село, но по горизонту над морем синел яркий шлейф, – а здесь, во дворе, уже ночь. Хорошо, что хоть еду на столе освещают горящие окна.

Познакомились. Мужа Дины звали Ярослав, а Оли – Виктор.

– Можно Витя, не обижусь. Виктор-Витя, короче.

– Олег, – ответил Сергеев.

– О, почти как жинку мою – она Ольга.

– Я в курсе.

– Но мы ее Оляна зовем...

Оба довольно молодые – слегка за тридцать – сухопарые, жилистые. Наверное, физически они были куда сильнее Сергеева, но эта сила в них таяла, а не копилась. И тот и другой выдавленные, измятые – наверняка работали на износ, питались каким-нибудь «Дошиком», перед сном вливали в себя грамм по триста и отрубались, а часов в семь вскакивали, снова ели «Дошик» и шли строить...

– Вы дорожники? – чтоб не молчать, спросил Сергеев.

– Ага.

– Автобан ложим – европейский уровень.

По пути из аэропорта сюда такси несколько раз выезжало на готовые куски этого автобана. Три, а то и четыре полосы в каждую сторону, по центру – высокие отбойники, фонари.

– Да, видел. Впечатляюще.

– Ну дак! – гордо хмыкнул Виктор-Витя. – Оляна, дай посуду гостю-то!

Мужчины были уже прилично теплые и налили Сергееву штрафную – целый стакан.

– Вы что, ребята...

– Давай-давай. Под шашлычкевич!

Виктор-Витя напоминал дембеля, которого разрывает радость и энергия в первый день на гражданке.

Чокнулись с силой. Сергеев сделал два широких глотка, откусил горячего, мягкого мяса.

– Свинина?

– Ага... А что? Вы этот?..

– Нет. Всё нормально.

Ярослав извиняющимся тоном объяснил:

– Тут непонятно: кто, что. – Интонация у него была, как и у Ольги, южнорусская, и Сергеев невольно соединял их – подходящая была бы пара.

– Я заметил, что всё непросто.

– А вы, – спросил Виктор-Витя, – значит, наш новый сосед?

– Да.

– И надолго?

– Как получится. Планирую пожить.

– Так! – Виктор-Витя встрепенулся: – Пора пропустить. – И скорей наполнил рюмки себе и Ярославу, хотел было подлить и Сергееву, но тот прикрыл стакан ладонью:

– Еще есть.

– А дамам? – возмутилась Дина.

– И дамам, и дамам!..

– Мне хватит. – Ольга убрала свой бокал.

- Ну ты чего, Олянь?!
- Ты же знаешь, что я не люблю.
- Ну праздник ведь.
- И обязательно напиваться?
- Напиваться никто не собирается. А отметить – надо!
- Вот доотмечаешься – опять на диване спать будешь.

Виктор-Витя тихо бессвязно забурчал, давя лезущие наружу ругательства.

– Олег, а вы откуда прибыли? – бодро, наверное, желая заглушить перебранку соседей, продолжил расспрашивать Ярослав.

– Олег из Москвы, – ответила за Сергеева Дина, и он удивился – ни ей, ни Оляне он о себе не рассказывал. Наверняка продавщица передала. Или Рефат.

– Из Москвы? Это серьезно... И как там?

Сергеев пожал плечами:

– Стоит.

– Да? Значит, стоит. – В голосе Ярослава появились непонятные нотки. – Что ж, за это и выпьем.

Сергееву вспомнились ролики в интернете, репортажи по ТВ пятилетней давности. Там люди с таким же, слегка смешным выговором, кричали друг на друга: «Пидарасы». Казалось, покричат и разойдутся. Но они стали друг друга убивать. И убивают до сих пор...

Чокнулись. Виктор-Витя и Ярослав залпом, с какой-то театральной удалью, осушили свои рюмки; Сергеев пригубил – пьянеть не хотелось. Да и опасно было в этой незнакомой компании, незнакомом месте. Это не московский бар...

– А чем, кстати, занимаетесь? – Дина приняла у мужа эстафету задавать вопросы.

– Если не секрет, конечно, – всё с теми же нотками, добавил Ярослав. – Тут у многих секреты.

– Да не секрет. С кино связан.

– Артист? – глаза Оляны блеснули.

Сергеев улыбнулся:

– Нет. Сценарист.

– Тоже, верно, денежная должность.

– У известных, да, денежная. А я так... – Сергеев говорил правду, и правда в этом случае помогала – пусть не думают, что у него денег целая подушка. – Был бы богатый, не сюда бы поехал.

Виктор-Витя громко захохотал:

– Ну да! Здесь... здесь – ха-ха-ха! – такие остались, кому некуда больше.

Смех был и искренний, и какой-то истеричный, что ли.

– Нет, здесь хорошо, – стал оправдываться Сергеев, – спокойно.

– Ага, спокойно. Мы от этого спокойя на стены лезли. Хорошо, работа нашлась.

Женщины и их дети пристально смотрели на Виктора-Витю и молчали. Сергеев видел, как они каждый день продолжают лезть на эти вполне реальные стены.

* * *

Утром Ярослав и с Виктором-Витей продолжали застолье, но оно было теперь совсем невеселым. Скорее напоминало второй день поминок.

Сергеев слышал куски их разговора, когда осторожно, не хлопая дверью, чтоб не привлечь внимания, выходил покурить.

– Ну и что мне было делать надо? – Голос Ярослава. – Своих идти мочить, а? Или всё бросить – жену, дом – и туда?

- Дом-то всяко-разно бросил.
- Бросил... Не бросил – законсерви... законсервировал.
- А, для них троя консервация... Гранату к ручке привязал – и нет дверей. И живут уже какие-нибудь, засрала всё.
- Я узнавал – стоит, целый.
- Ну, рад. Дерябнем?
- Стук. Будто не стекло столкнулось, а два камушка. Пауза. Выдохи. И голос Виктора-Вити, такой голос, с подковыркой:
- Стоит дом-то, да без хозяина.
- И что?
- Да ничего, ничего. Так я – представил просто.
- Слушай, а ты сам... Я сколько раз тебя спрашивал, и ты ни разу не сказал. Ты сам чего сюда забился? Свой дом чего не охраняешь?.. А? Что молчишь?
- «Что молчишь?» было произнесено с насмешливым презрением, и Сергеев замер, ожидая услышать звук удара, а потом грохот опрокинутого стола...
- Молчу, потому что жру... Все жилы эта работа вынула... И Оляна тоже...
- Ну да, пилит она тебя.
- Не в этом смысле... Жаркая женщина. Три раза Радку своими стонами будила. «Мама, ты заболела?»
- Хм, ты, Вить, не увливай. Тебя сюда зачем занесло?
- Я тебе уже говорил.
- Не помню. Напомни.
- Говорил. Говорил: это вообще не мой замес. Я – иркутянин.
- Но сюда не из Иркутска ж приехал.
- Я не виноват, что батю там в запас уволили... – Судя по тому, как прозвучало «там», относилось оно не к Иркутску. – Офицеров по всему Союзу гоняли – сегодня в Карелии, завтра на Сахалине... Вот так и оказались мы в этой Попасне... А там дальше – развал, СНГ. Решили остаться. Родичи решили – мне-то шесть лет было всего... Климат хороший, русские все. Никакой разницы, что там, что в России...
- Шесть лет тебе было? Какой ты иркутянин тогда – ты местный, Вить. Чего ты лепишь...
- По месту рождения – иркутский.
- А-а...
- Чё – а? Усть-Кут. Слышал такое? Там батина часть стояла.
- Добро-добро.
- Ну так и всё. И сиди.
- Ты щас сам у меня сядешь.
- Теперь уже Сергеев точно ожидал драки, а то и поножовщины. Вот так ведь они и случаются. От греха подальше ушел в квартиру. Но, выйдя покурить в следующий раз, услышал спокойное, вернее, беспредельно горестное:
- В гивне мы с тобой оба, братуха, – голос Ярослава, и следом пьяный, со слезой, Виктора-Вити:
- И жёнки наши... и ребятишки.
- Да-а...
- И вот если там закончится, то нам-то... Нам-то как туда возвращаться? Яр, как возвращаться?
- Мне – никак. Я хохол. Я для любых дезертир и враг.
- А я – наоборот... То есть тоже дезертир и враг, хоть и не хохол... А жена – хохлушка...
- О-ох-х, давай.
- Стук, громкие глотки и выдохи.

- Если б... Фу-ух... Если б мы там всё это время были – одно, а так...
- Так – никак, Вить. Никак.
- Никак, Яр, эт точно...

* * *

Рядом с Сергеевым на террасе тоже было сегодня оживленно. Наверное, из-за погоды – солнечной, теплой, с ветерком с моря.

Сначала эта женщина в тряпках, тётъ Наташа, долго сидела в кресле. И не молчком, а что-то бормоча и бормоча себе самой, то с напором, будто доказывая, то бессильно.

– Ведь я же им всё... Как теперь, как теперь?... Надо собраться, надо им показать... Нельзя так...

Потом, перед обедом, девушка Алина увела женщину в дом, а после обеда заняла кресло. Была одета совсем по-летнему – короткие шорты, легкая просторная майка без рукавов, шлепанцы, бейсболка, черные очки – и напомнила Сергееву Лолиту. Вернее, в его представлении набоковская малолетка должна была выглядеть примерно так. И хоть он понимал, что Алине намного больше, она давно совершеннолетняя, может, и институт окончила, но косился на ее длинные, глянцевиные ляжки, на круглые плечи, на торчащие пирамидки под майкой как на что-то запретное.

Косился, переводил взгляд на море, а она оставалась перед глазами, шевелила розовыми пальцами на ногах... Бросал окурки в бутылку – в кашу из воды и других окурков, – плотно заворачивал крышку, чтоб не воняло, уходил к себе.

Когда появился на улице в очередной раз, обнаружил рядом с Алиной хозяина Рефата.

Не удивился – чувствовал, что кто-то должен клюнуть на этот бутончик. Хе-хе... Сам оказался слабоват, хватило лишь на похотливые мысли и частые косяки, от которых глаза заломило, а Рефат вот поднялся, встал рядом с ней. И что-то втирает красивым тихим баритоном.

Сергеев кивком поздоровался с ним, отвернулся. Достал сигарету из пачки.

– Всё нормально? – спросил Рефат; вопрос был явно адресован ему.

– Да-да, спасибо.

– Если что – я на связи.

– Да...

Закурил, уперся взглядом в нежно-голубую сегодня гладь моря. Солнце яркое, но не слепит – оно словно разлито по всему небу. Осеннее южное солнце.

Отсюда казалось, что море действительно гладкое. Зеркальное ровное поле. Но на самом деле там наверняка волны, пусть несильные. Море не бывает абсолютно спокойным – оно всегда шевелится, дышит. Вдох – вода откатывает от берега, выдох – накатывает. И так миллионы лет...

– У нас семья светская, никаких ограничений, – загурчал голос Рефата; он старался говорить шепотом, но не получалось, и Сергеев почти всё слышал. – Я сам и курю, и выпить могу, если надо. Но я не любитель. Так, по праздникам большим. Я работать люблю – работа силы дает... Но женщина у нас святое. Мы не заставляем, и хиджабы всякие, паранджа, это... Вот слово забыл... Эх-х...

– Стереотип? – подсказала Алина, и Сергеев по тону определил, что ей нравится слушать Рефата.

– Точно – стереотип. Да. Это арабы там. А нашим женщинам даже платка не надо. Если хочет – может фес носить... шапочка такая, а может не носить. Свобода совсем... Алина, – голос его стал еще тише, – вы мне очень нравитесь. Вы очень хорошая девушка. Я думать ни о чем не могу. Да. За рулем сажу и боюсь, что сверну не туда, не на ту педаль нажму. Да, Алина, вот так...

Какое-то шуршание. Наверно, Рефат дотронулся до нее, а она дернулась или отвела его руку.

– Ну я же вам уже сколько раз... – Шепот, но тоже слышимый; у молодых девушек даже шепот звонкий. – Сколько раз объясняла: я здесь из-за тети. Станет ей лучше – и мы уедем. Может, через неделю, может, через две.

– Но вы же обещали полгода!

– Во-первых, мы договорились оплатить полгода – и оплатим. Это не означает, что мы будем все полгода здесь жить.

– А как по-другому?

– Оплатим и съедем. А вы хоть пустой держите, хоть сдайте...

– Это странно.

Сейчас, когда Сергеев не видел Рефата, ему казалось, что с Алиной разговаривает иностранец. Какой-нибудь турок или грек, хорошо владеющий русским, но не понимающий элементарных для русских вещей. Действительно, как это: оплатить жилье и в нем не жить...

– Алина, зачем уезжать? Для вас здесь всё, вы хозяйкой будете. И этого дома, и моего.

«Он сватается, что ли?» – дошло до Сергеева; он напряг слух, даже уши, казалось, стали заворачиваться, как у кошки.

– Я ведь один. Три этажа. Сад какой...

– Вы рассказывали.

– А давай посмотрим. Пойдем, приглашаю.

Молчание, тишина.

– Ну, пожалуйста, окажи честь. Не бойся меня.

– Я не боюсь, а просто не хочу, – слегка насмешливый голос Алины.

Сергеев представил ее смуглые, словно смазанные маслом ноги, мускулистые икры, шею, плечи... Ох как тяжело Рефату, сильному самцу, себя сдерживать... И сам резко и до боли в паху возбудился. Даже слегка подогнул ноги и сильнее навалился локтями на перила.

«Так-так-так, – стал повторять торопливо, – так-так-так, мил человек, без глупостей, мил человек, так-так-так».

– А что хочешь, скажи? – давил Рефат, но ласково, почти жалобно. – Хочешь, яхту возьму – покатаю. Отсюда – в город. Прямо к ресторану причалим. Я ресторан знаю такой – всё вкусно.

«Да, надо в город выбраться, – подхватил идею Сергеев, – обязательно в ближайшие дни».

И, стараясь держаться спиной к Алине и Рефату, чтоб не увидели его вздыбленных штанов, зашел к себе.

* * *

Наутро решил начать новую жизнь. В сотый или двухсотый раз.

Еще в детсадовском детстве, когда совершал что-то плохое, слишком капризничал и хулиганил, мама, отругав, успокоив, говорила твердо, будто обрубая произошедшее: «Ну всё, завтра начнешь новую жизнь. Будешь хорошим и послушным. Да, Олег, обещаешь?» И он обещал.

Тогда, ребенком, потом подростком, он относился к этому серьезно. Действительно, два-три дня жил по-новому. Делал зарядку, ел кашу, даваясь, но понимая, что она полезна, она дает силы; не баловался, не поддерживал друзей, собиравшихся что-нибудь натворить; когда с ним несправедливо поступали, лишь поджимал губы, хотя так хотелось закричать, заплакать.

Но и тогда хватало его ненадолго.

Может, жил бы без сверстников, без садика, а потом школы с их правилами, которые необходимо было нарушать, иначе станешь никем, рассыплешься, как безвольный песок, – да, если б жил только с мамой, может, удержался бы в новой жизни надолго. А так – срывался.

Мама называла это «забывался», и после очередной нотации требовала: «Завтра начинаешь новую жизнь. Да?» Он, конечно, обещал. И со временем давать эти обещания становилось всё легче.

Потом началась взрослая жизнь. Теперь мамы рядом не было, и Сергеев сам приказывал себе начать ее, эту новую жизнь. После затяжных пьянок, ссор с женщинами, разрывов с теми, кого считал друзьями... И снова хватало ненадолго.

Как-то где-то он вычитал шутку-афоризм: «Трудно быть человеком – люди мешают». Поразила точности – действительно, люди очень мешали. Недаром, наверное, были придуманы монастыри, а потом, когда монастыри заполнились теми, кто мешал, пытавшиеся сохранить в себе человека, стали уходить в отшельники, старцы, селились отдельно – в хижинах и пещерах, кельях, скитах, молчали, чтоб не говорить глупости, читали книги, которые помогают стать чище, сосредоточенно думали. Но и к ним лезли – соблазняли, оглупляли. И тогда одни рубили себе пальцы, другие засыпали на десятилетия в позе лотоса, третьи заживо ложились в могилы...

Зачем он приехал сюда? Отдохнуть? Посидеть в стороне от суеты? Подумать и до чего-то важного додуматься?.. Да, наверное. Наверное, за этим. И всё это можно объединить тем, маминым: начать новую жизнь.

Пошел в Михайловку за кроссовками. Именно пошел, а не стал дожидаться автобуса. «Надо ходить, – убеждал себя, – надо двигаться».

Справа были виноградники, слева – пустое поле и море. Воздух чистый, питающий силами.

Нашел торговый центр, небольшой, тихий – часть отделов явно работала только в курортный сезон, – купил кроссовки, толстовку, бейсболку. На обратном пути завернул в продуктовый. Но от вида еды неожиданно затошнило. Будто организм решил от нее отказаться, как от лишнего, вредного.

Все же купил макарон, колбасы, овощей, кефира. Знал, эта очищающая тошнота временная – есть захочется.

Рядом с продуктовым, в том же здании, но сбоку, был еще какой-то магазинчик. И хотя у Сергеева всё необходимое пока вроде бы было – на всякий случай, – он зашел туда.

Это оказался не магазинчик, а нечто вроде бара, паба. Прилавок, точнее стойка, за которой бочонки и бутылки на полках, а в зале три маленьких квадратных стола. За одним сидели худые, без возраста, мужчины в серых и коричневых кофтах, крепко, будто их могли отобрать, сжимали пустые стаканы; сонно взглянули на вошедшего и снова опустили глаза. За другим столом была почти старуха – да самая настоящая старуха, – тоже худая, какая-то выжаренная, но одетая так странно и уютно, что Сергеев поехал. На руках, до локтей, ажурные перчатки, платье все в кружевах и рюшках, в ушах тяжелые серьги, на голове бордовая шляпка, и сеточка вуали подоткнута под ее загиб. Наверное, чтоб пить не мешала... Сухие пальцы держат за тонкую ножку бокал с желтоватым.

Она тоже посмотрела на Сергеева. Во взгляде тоска и безысходность, и вдруг мелькнули любопытство, что-то вроде надежды... Сергееву представилось, что сейчас какой-нибудь двадцать третий год, белые уплыли за море, красные вычистили эту землю от бывших, а она каким-то образом уцелела, и вот приходит сюда по утрам, выпивает бокал муската и потом сидит на берегу, над обрывом, ожидая лодку за собой с той стороны...

– Здравствуйте! – Из-за стойки голос с подчеркнутым кавказским акцентом. – Проходите, выберите! Вино домашнее, сидр, чача...

– Нет, спасибо.

Сергеев выпятился на улицу, встряхнул плечи, помотал головой, словно вынырнул из дремы на совещании или в кинотеатре. Сказал уже для себя:

– Спасибо, мне еще сюда рано.

На самом деле испугался не старухи, не самой атмосферы этого странного паба, а того, что может тоже сесть за столик и уснуть над стаканом на многие дни.

...Вернулся домой, продукты сложил в холодильник, надел кроссовки, толстовку, бейсболку козырьком назад и побежал.

В Москве, когда чувствовал, что тяжелеет, но не от избытка веса – толстым и даже упитанным никогда не был, – а от какой-то внутренней расслабленности, многомесячной физической вялости, покупал абонемент в фитнес. Занимался без всякого удовольствия. И те, что получали удовольствие, вызывали раздражение. Сергеев не мог понять, как можно с увлечением корчиться на тренажёрах, бежать по двигающейся ленте, оставаясь на месте и таращась в одну и ту же стену или окно. От этого ведь свихнуться можно. Получающие удовольствие и были для него такими свихнувшимися.

Впрочем, они наверняка делают вид, что им по кайфу, – люди в отношении многого так поступают...

Слегка окрепнув, Сергеев бросал заниматься. На год-полтора, пока снова не начинала давить тяжесть слабости.

Сейчас же он впервые за много-много лет побежал не по ленте, а по земле, увидел меняющийся ландшафт, почувствовал камушки и кочки, дышал по-настоящему свежим, не кондиционированным, воздухом и понял, какое это удовольствие. И пружинящие подошвы кроссовок вызывали в нем настоящий детский восторг: «Ни фига себе!.. Ни фига себе!..»

Но быстро стал задыхаться, перешел на шаг. «Ничего, втянусь».

* * *

В новой жизни дни потекли быстрее, хотя не так пустовато, как раньше.

Сергеев поднимался в начале восьмого – на улице еще было темно – делал зарядку, принимал легкий душ и, сварив кофе, садился читать или писать.

Читал он Джека Лондона, «Смирительную рубашку».

Раньше, давно, Лондон был его любимым писателем. Сначала рассказы о Севере, «Белый Клык», «Время-не-ждет», «Путешествие на “Старке”», затем, конечно, «Мартин Иден», «Лунная долина» – вроде бы тяготная вещь, но если настроиться, отрешиться от окружающего бедлама, то – завораживающая. Особенно третья часть, когда Билл и Саксон путешествуют.

Именно из-за «Лунной долины», а не музыки, Сергеев лет в пятнадцать стал хиппарём. В их маленьком сибирском городе о хиппи в то время и не слыхивали, и пацаны-хулиганы, которых называли буграми, часто до того бывшие Сергеева, отбивавшие мелочь, растерялись от его вида, а потом даже зауважали – чтоб отпустить волосы, обвязать их веревочкой, надеть пеструю рубашку, превратить обычные брюки в клеши, обуть туфли на каблуке, нужна была дерзость. И по отношению к ним, буграм, и по отношению к милиции, учителям, завучам, вообще всем вокруг. «Борзый», – одобрительно ухмылялись пацаны.

Кстати, и учителя с завучами не трогали – он был один такой. Когда один – можно.

Сергеев в то время стал много бродить за городом, пытался, что называется, слиться с природой, найти свою Лунную долину... Продолжалось это почти год. Потом понял, что не найдет. Повзрослел. Оделся в нормальное, постригся. Но книгу иногда перечитывал.

А вот про «Смирительную рубашку» никогда не слышал. Да и неудивительно – книга далеко не из самых увлекательных у Лондона – ползешь по тексту, спотыкаясь, буксуя, а не летишь. Может, переводчик плохой?..

Преодолев первые полсотни страниц – исповедь заключенного тюрьмы, слишком упорно и оттого неубедительно доказывающего, что он настоящий, а не выдуманный автором, – добравшись до момента, когда во время пыток начались перемещения заключенного в своем сознании в другие миры и времена, Сергеев понял, что книгу стоит дочитать. Она из тех, что

обогащают. Такие именно книги нужны в одиночестве. В метро, во время обеденного перерыва или перед сном они просто не пойдут. Ты либо отбросишь их как унылый мусор, либо будешь засыпать после нескольких абзацев, а если и дочитаешь, то пожмешь плечами: хрень какая-то.

Эту книгу он читал сидя за столом. Неспешно, упорно, с карандашом в руке. Она напоминала ему «Розу мира».

Он тогда только-только вернулся из армии. Начало девяностых – и для него, и для страны это было временем новых книг. Читали все, читали постоянно – передавали друг другу томики, номера журналов, обсуждали, спорили, иногда ругались. Благодаря чтению обретали или теряли веру. А верили многие и во многое.

«Розу мира» Сергеев проглотил за несколько дней, мало что в ней поняв, а теперь и вовсе забыл, в чем там была суть. Осталось лишь ощущение того, что человек – автор – очень страдал в тюремной камере, в неволе, и из этого страдания родилось нечто великое. Сложное, громоздкое, может, и бесполезное в обыкновенной жизни обыкновенных людей, но... Да, если несколькими миллионам начать жить по этой книге, то мироустройство изменится. К лучшему.

Герой Лондона, которого то и дело затягивают смирительной рубашкой, не хотел изменить мироустройство, не думал об этом. Он сопротивлялся унижению насильственной неподвижности, отправляя в путешествие свое сознание. Выпускал на свободу душу.

И это не так уж фантастично. Недаром существуют медитации, сомати, летаргия, которую, говорят, можно вызвать искусственно. Да и сам Сергеев несколько раз испытывал, вернее, впадал в подобное состояние – в самую легкую, наверное, форму отделения души от тела. Но и ее хватало, чтобы спастись от давления реальности.

В армии, например... В армию ему, домашнему ребенку и маменькиному сынку, конечно, не хотелось. Честно говоря, вообще никуда не хотелось, – ближе к окончанию школы он почувствовал такую усталость от людей, что на уроки ходил через великую силу, а остальное время проводил в своей комнате, читал, слушал музыку, а больше дремал.

Друзья, еще недавно необходимые, стали раздражать так, что тянуло подраться, такие соблазнительные месяц назад девчонки, от мыслей о которых кружилась голова и прошибал пот, теперь вызывали брезгливость... Сергеев чувствовал, что сейчас, сейчас лучший кусок его жизни, и этот лучший кусок тонул в усталости, раздражении, приступах отвращения ко всему. И в первую очередь к самому себе. Казалось, что он мутирует; Сергееву хотелось мыться, тереть себя мочалкой, но от вида ванны, мочалки, мыла булькало в горле что-то горькое, ядовитое. Он возвращался на диван, пытался свернуться калачиком, а диван был узким – свернуться не удавалось...

Кое-как получив аттестат, несмотря на уговоры и слезы мамы, он даже не попытался никуда поступить, и осенью ему вручили повестку. Расписался, и через две недели отправился в военкомат.

Домашность слетела в первую же неделю. Отвращение и раздражение сменились животными потребностями: успеть пожрать, пока сержант не поднимет отделение из-за стола, выспаться, справить нужду за отведенное время...

Вообще-то в армии ему повезло – дедовщина оказалась щадящей, без издевательств; он не стал белой вороной, объектом для тупых армейских шуток и подколов. И на первом году, и на втором находился в общей массе, не выделялся.

Свободного времени было мало, и он этому радовался – в свободные минуты наползали мысли, начинала грызть тоска. Не по свободе, не по гражданке, не по своей комнате с книгами и шторами, способными отгородить его от остального мира, а какая-то беспредметная и от этого особенно острая. Нет, не острая, а болезненная, что ли. Казалось, что лучше б была острой: разрезала до костей, до сердца, и всё; но она не резала, а расковыривала его при первом же удобном случае.

Тяжелее всего приходилось в нарядах часовым – четыре часа бродить по пресловутому периметру части от казармы до боксов, от боксов до бани, от бани до столовой...

Нет, в первые разы даже радуешься, что один, в тишине, что есть возможность помечтать, посочинять стихи. Наслаждаешься этим временем. Но когда бредешь в десятый, двадцатый, тридцатый раз определенным маршрутом, мыслей уже нет никаких, все мечты перемечтаны, рифмы найдены. И если не уводить сознание куда-то прочь отсюда, в другие измерения, не отпускать на время душу, то очень легко застрелиться – освободить пулей душу из тюрьмы тела. А оружие вот оно – болтается на плече, с пристегнутым магазином.

За время службы Сергеева в их части были два самоубийства. Сначала застрелился один, а недели через две другой. Из разных рот, старики...

Приезжали комиссии, допрашивали офицеров, солдат, читали письма с родины, которые нашли в их вещ- мешках. (Традиция была такая – хранить письма все два года, а в последний вечер перед дембелем сжигать в большой урне в курилке.) Никаких причин комиссии не нашли. Да и вряд ли вот такие, для доклада, причины были – кончают с собой обычно без явных причин. Просто душе становится невыносимо, а человек не умеет выпустить ее погулять, крепко сжимает в себе.

И вот один решил, что так, мертвым, ему – точнее, душе его – будет лучше, а потом второй взял пример с первого: если тот это сделал, значит, понял что-то важное, нашел выход, а мы все тут мучаемся, храпим, ржем над анекдотами, дроним на прапорщиц из «Советского воина», жрем что дают. И так каждый день, каждый день.

Кроме выстрела в себя, есть всего два пути: или превратиться в животное – на первом году в травоядное, а на втором в хищное, или научиться временно умирать телом, чтоб дать волю душе. Главное не переборщить... Джек Лондон это очень точно описал:

«Я не могу точно объяснить, но мне всегда казалось, что если я буду слишком далеко в тот момент, когда они придут и вынут мое тело из рубашки, то я не смогу вернуться в него. Думаю, что тогда мое тело умрет по-настоящему, а я не хочу этого».

Да, отпуская душу, становясь зомби, бредущим по периметру, Сергеев боялся одного. Нет, не врагов, которые полезут за добром их части, а – проверки. Что дежурный офицер неожиданно окликнет, посветит в лицо фонарем, потребует доложиться. Казалось, тогда он просто рухнет на землю грудой мяса и костей. Умирают ведь от неожиданности – может, это как раз то самое: человек отпустил душу, и тут его опустевшее тело дёрнули. И оно обмякло, повалилось. Плоть превратилась в прах...

Может быть, этот полученный в нарядах опыт и открыл в Сергееве способность писать. И через полтора года после дембеля, подзаработав немного денег, он отправился в Москву поступать в тот институт, где учат на сценаристов. Поступил. Был очень рад и горд собой.

* * *

Сама книга «Смирительная рубашка» – как изделие – была любопытна.

Кстати, Сергеев нашел ее в нижнем ящике кухонной тумбочки среди пакетов для мусора, губок, липких шумовок и лопаток, наверняка оставшихся от прежних жильцов.

Пакеты, шумовки, это понятно, но зачем здесь книга, тем более такая, именно эта... Как знак какой-то: прочти, чтоб начать в конце концов жить осмысленно, полно, ярко, ценить дни, свои мысли, фантазии. Запри тело в этой квартирке в полупустом поселке у непригодного сейчас для купания моря, а душе дай свободу, и она, погуляв, вернется сильной и здоровой, и оздоровит рыхлеющее, усталое тело. Не пробежки – вернее, не только пробежки – оздоровят, а обновленная душа.

А почему нет? Не все бывает случайно...

Книга... Книга была издана «Клубом Семейного досуга» в две тысячи девятом году. Местом издания указаны два города – Харьков и Белгород. Выходные данные на двух языках – слева украинский: «Літературно-художнє видання. ЛОНДОН Джек. Гамівна сорочка. (Російською мовою)» и так далее. А справа – русский: «Литературно-художественное издание...»

Два адреса. В Харькове «просп. Гагаріна, 20а», в Белгороде «ул. Сумская 168». Отпечатано в «ОАО Белоцерковская книжная фабрика».

Где Белая Церковь? У нас или там?..

Набрал в интернете... У них, рядом с Киевом.

На последней странице реклама издательства, адреса оптовой торговли. Москва, Киев, Харьков, Львов, Донецк.

Что теперь с этим «Клубом Семейного досуга», имевшим штаб-квартиры в Харькове и Белгороде? Что с главным редактором С. С. Скляром, ответственной за выпуск Е. В. Шаповаловой, корректором И. В. Набоковой?.. Из России они все или с Украины? Или часть оттуда, часть отсюда?

Рука снова потянулась к айфону – он давно стал для Сергеева ключом ко многим вопросам. Несколько постукиваний подушечкой пальца по стеклу экрана, и вот он ответ...

Не стал на сей раз. Не надо. И так ясно, что или разделились, или погибло это предприятие с уютным названием. Не может оно продолжать работать на обе страны после всего, что случилось.

Нашел место, где остановил чтение, продолжил:

«Я весь состою из своего прошлого, с чем согласится каждый последователь закона Менделя. Все мои предшествовавшие “я” говорят во мне, имеют свое эхо и воздействуют на меня».

Не бог весть какая глубокая мысль, но справедливая. С ней не поспоришь. И никакая новая жизнь невозможна не потому, что мешает живущий по-старому окружающий мир, а потому, что у тебя было прошлое. Прошлое накатывает и топит в привычках, комплексах, послевкусии давних удовольствий, в горечи старых несчастий.

Закрыл книгу, отложил на край стола, взял ноутбук. Надо поработать над своим.

* * *

Сергеев писал сценарий. Впервые лет за пятнадцать полноценный, свой собственный. Что называется, авторский.

С четверть века назад, студентом, он с таких сценариев, основательных, для полного метра, и начинал, и хоть ни один не был экранизирован, на него обратили внимание, им заинтересовались студии, предлагали писать заявки. Заявки, опять же, не принимали, но деньги за них давали – «труд должен быть оплачен», говорили продюсеры.

Потом Сергеев обнаруживал некоторые идеи и мотивы своих сценариев и заявок в снятых фильмах. Права не качал, объяснял себе, что идеи носятся в воздухе, мотив есть мотив, но за объяснениями стоял страх воевать: знал – проиграет, да вдобавок попадет в черные списки студий, с ним перестанут иметь дело.

Когда-то услышал байку про Сергея Михалкова: начало тридцатых, идет несчастный, плохо одетый Михалков. Знакомый спрашивает: «Ты что такой?» – «Не печатают. Банда Маршака всё захватила». Через два-три года знакомый снова встречает Михалкова. Тот в дорогом костюме, счастливый. «Сергей, что произошло?» – «Вошел в банду!»

Годам к тридцати пяти и Сергеев вошел. Правда, не как сценарист, продающий компаниям свой товар и тем более не как полноценный соавтор фильмов, присутствующий на кастинге, на съемочной площадке, делающий замечания режиссеру, меняющий по его просьбе детали в репликах персонажей... Теперь таких сценаристов, кажется, не осталось вовсе.

Теперь чаще всего сценарий пишут несколько человек, и это не команда, а отдельные профессионалы, порой, и не знакомые друг с другом. Пишут не свое, а по заданию режиссера или продюсера. Случается, отдельные люди прорабатывают сюжет, отдельные – диалоги... Написанное стекается в компанию и там монтируется нечто такое, что сценаристы потом не узнают. Некоторые возмутились бы, но полученные деньги не позволяют. Лишь иногда кто-нибудь принципиальный или неопытный требует снять свою фамилию с титров. Сергеев не требовал, понимал – таковы правила игры, что тут брыкаться.

Основные деньги приносит ТВ – сюжеты для ситкомов, скетч-шоу, разработка чужих синопсисов, роспись диалогов. Но вот, видимо, пришло время вернуться к своему делу. За этим, скорее всего, и приехал сюда, забился в квартирке у моря в несезон, стал отшельником, старается забыть об интернете, не звонит знакомым, не следит за новостями.

И сами обстоятельства помогают. Когда хочет что-то посмотреть в Сети через того провайдера, чей пароль дал Рефат, – ролики и фильмы, обзоры футбольных матчей чаще всего не открываются – выскакивает надпись на сером фоне «Видео недоступно из вашей страны».

«Из какой вашей?! – поначалу злился Сергеев. – Я в моей стране!» Потом стал принимать это спокойно, даже с благодарностью: и хорошо, лучше почитаю, попишу, постою на террасе... Если возникала уж очень острая необходимость, переключался на 3G, хотя роуминг в этом случае шел неслабый.

Главным занятием стал сценарий. По форме он получался в советских традициях – литературный. С подробными описаниями, с пейзажами, портретами, даже внутренними монологами. «А что, Панфилову в “Теме” можно, а мне нельзя?» Да, сейчас ему казалось, что можно всё... И если читал он медленно, дозированно, по две-три страницы за раз, порой насильно закрывая книгу на том месте, где герой попадал в иные времена, вселялся в других людей, то писал много, подолгу; сценарий по объему давно перевалил за метр, но действие в нем только разворачивалось, конфликт только вырисовывался.

Сергеев себя не останавливал. Наверное, потому, что знал – фильм никогда не снимут.

* * *

А жизнь за пределами квартирки продолжалась. То еле заметно и слышно, как-то на полушепote, то вспыхивая ссорами или песнями на два голоса в очередной раз задруживших Оляны и Дины. В основном же они не ссорились и не пели, а вяло перебранивались. И не напрямую, а посредством детей.

– Рада, положи, не трогай. Это ведь Славика грузовик.

– Играй, Рада, играй. Чего уж...

– Что – «чего уж»? У тебя, Рада, своих игрушек вон две коробки.

– Ну грузовика ведь нету.

– А девочке и не надо грузовика... Рада, положи, кому говорю! На вот карету лучше покатай. Смотри какая у тебя карета, с золотом, с узорами.

– Так у нее ж колеса не крутятся.

– Ну а ты всё замечаешь. Глазастая.

Особенно ворчала Оляна; Сергеев догадывался, что те двое суток с мужем у нее прошли не очень. Виктор-Витя только бахвалился про жар в постели – на самом же деле бухал и торчал во дворе целыми днями, а ночами наверняка беспробудно дрях, ни на что не способный...

За забором-стеной всё так же слонялась похожая на белого медвежонка Умка. Всё так же непонятно чем занимался ее хозяин...

Справа от Сергеева сидела в кресле то закутанная тётя Наташа, то почти голая девушка Алина. Читала и читала что-то в своем смарте, иногда курила тонкую сигарету. Чтоб не выглядеть бирюком, Сергеев задавал какой-нибудь вопрос. Например:

- На море не были?
- Давно не ходила. А толку...
- Ну да.

Или:

- Как ваша тетя?

Алина шевелила коричневатыми от загара плечами:

- Спит под лекарствами. А так – лучше.
- Ну и хорошо.

К Алине чаще стал подниматься Рефат, приносил виноград, груши, яблоки, уговаривал принять:

- Последние свежие. Скоро не будет совсем.
- Будет – фрукты в магазинах круглый год, – с нотками кокетства отвечала Алина.
- Да там разве фрукты! Там трупы фруктов.

Алина хихикала...

Всё так же изредка Сергеев видел входящих в крайнюю на их этаже квартиру тяжелого мужчину или молодую пухлую женщину и здоровался с ними кивками.

Машина во дворе то появлялась, то пропадала. Номер с сине-желтым флажком однажды сменился на номер с черно-сине-красным...

Перед обедом бегал. Всю первую половину дня заставлял себя, уговаривал, и, надев кроссовки, спустившись по лестнице, выйдя за калитку, радовался, что пересилил лень.

У противоположных ворот всё так же сидел черный мопс, бессильно разбросав задние лапы и громко сопел, глядя в землю, не желая ничего и никого замечать. Как больной, уставший от жизни старик.

Бывало, рядом с мопсом стояла или шла в магазин или из магазина его хозяйка – та высокая, тонкая женщина с лицом то ли похмельным, то ли сонным. При виде Сергеева лицо это оживлялось, озарялось приветливой, почти счастливой улыбкой, звучало радостно-нежное «здравствуйте!» и тут же – так быстро, что Сергеев не успевал ничего сказать, снова становилось то ли похмельным, то ли сонным. Каким-то сомнамбулическим. И смысл заговаривать пропадал – казалось, она ничего не услышит, ни на что не отзовется.

* * *

Чувствуя, что тоже засыпает на ходу – от этого не спасали ни чтение, ни сценарий, ни пробежки, ни наблюдение за соседями, – Сергеев решил разнообразить жизнь сильнее. Для начала совершить поход в Антоновку. Там, он слышал, есть ресторанчики, пляж.

– Не поплавать, так хоть подышать, – сказал где-то пойманный афоризмик и хмыкнул – всё чаще замечал, что разговаривает с собой вслух.

До Антоновки, расположенной слева от их поселка, было, как и до Михайловки, около трех километров.

Сергеев долго, так долго, что наконец испугался этого, выбирал, что надеть. Джинсы или треники, кроссовки или туфли, куртку или пальто... Черт, да какая разница. Не в театр идет. Но и не на пробежку...

Надел джинсы и толстовку с курткой – было прохладно, – кроссовки. Кроссовки приятно пружинили, толкали вперед, требовали скорости, и Сергееву приходилось сдерживаться, чтоб не сорваться на бег.

Сначала шел вдоль заборов и ворот, из-за которых раздавался резкий злобный лай, и смолкал, как только собака понимала, что человек не станет стучаться... Потом заборы и ворота кончились, возник небольшой пустырь, сохраняемый словно для порядка, чтоб отделить один населенный пункт от другого. Буревестник-2 от Антоновки.

Тропинка вдоль трассы завернула к пешеходному переходу, и Сергеев послушно перешел трассу. Двинулся не навстречу движению машин, как требовали правила, а в том же направлении. Но тропинка быстро вильнула в сторону от проезжей части, заизвивалась меж растущими зигзагообразной полосой деревьями.

Листья на них пооблетели или скукожились, на ветках висели салатово-желтые, пупырчатые, напоминающие мячи для русского хоккея, плоды.

Сергеев никогда таких не видел, и вообще поначалу не поверил, что такое действительно выросло, а не развешано каким-нибудь чудаком, подобно игрушкам на елке. Ненастоящие они были, будто из пластика или резины. Да, как мячи для хоккея.

Когда-то, подростком, Сергеев с полгода ходил в хоккейную секцию. Хотел заниматься канадским, но в их городке был только русский, его там любили, болели за свои команды.

Команды, правда, ни детская, ни юношеская, ни взрослая никак не могли никуда пробиться, ничего серьезного выиграть – болтались на дне турнирных таблиц.

Сергеев походил-походил и, не видя перспектив, хотя в двенадцать лет вряд ли знал это слово, бросил. Но иногда жалел, как о потерянном шансе построить жизнь иначе. Впрочем, быстро себя убеждал, что никто из игроков их городка в серьезных командах никогда не оказывался, а он, Сергеев, талантом хоккеиста уж точно не обладал...

Дернул один шар. Даже не для того, чтоб сорвать, а чтоб убедиться, что не привязан, не приклеен. Шар оказался в руке... Да, вырос – вот черешок, и на ощупь не пластик.

Разломил, и сразу ударило едким, химическим. Будто прыснули в нос из баллончика с освежителем воздуха... Пальцы стали мокрыми, их слегка защипало.

Сергеев вспомнил тот колючий цветок с лепестками-бритвами, бросил половинки, хотел вытереть руки о джинсы, но передумал – черт его знает, что будет, еще пятна останутся, и химчистка не возьмет... Стал тереть о мочалистую траву. И морщился, гримасничал – в носу свербило. И потом долго казалось, что руки, нос, глотку разъедает кислота. Напоминал себе: «Надо узнать, что за хрень. Может, действительно, ядовитое растение. Ч-чёрт...»

Пустырь кончился тремя недостроями. Семиэтажные башенки, видимо, должны были стать корпусами санатория. Еще две башенки готовы и, кажется, обитаемы – в окнах стеклопакеты, шторы...

Забор из темно-зеленого профлиста, пустая парковка, а дальше свороток вправо. Почти неприметный, стиснутый зарослями камыша.

Слева от своротка начинался новый пустырь, на сей раз заболоченный, а впереди – непонятные приземистые строения. То ли склады, то ли корпуса какого-то заводика. Впрочем, вряд ли рядом с санаторием мог быть заводик...

Сергеев остановился, глядя на бетонные стены, прислушиваясь.

Было безлюдно, поразительно тихо. Даже чайки не кричали, по трассе не проезжали машины... Жутковато, точно попал в какой-то фильм про постапокалипсис. Или в компьютерную игру. Шел-шел, и тут на тебя надели шлем виртуальной реальности. И вот ты стоишь в начале грунтовой дороги, перед тобой серые зданьица, а за ними наверняка толпы зомби, стаи псов-мутантов. Но ты должен идти туда, зачем-то должен...

Поусмехался над своими мыслями, над полудетским страхом, закурил и пошел.

Нет, это оказались не склады, а магазины, аптека, ресторанчики. Но все они были повернуты парадной стороной к морю, а в глубь материка выставлены их зады – безоконные, скучные.

Правда, и парадная сторона с витринами, вывесками, завлекающими надписями вроде «К чебурекам! К пиву! К пляжу!» выглядела сейчас мертвой и пугающей. И теперь Сергееву представилась не компьютерная игра про зомби, а вспомнились фотографии нейтральной полосы на Кипре.

В середине семидесятых, кажется, после столкновений между греками и турками, Кипр разделили, и несколько метров остались ничейными. И на этих метрах всё сохранилось, как было в момент разделения. Стоят автомобили, стиральные машины в магазинах, пакеты с Наверняка истлевшей крупой, висят на веревках обрывки – белья... И ни единого человека.

Казалось, что и сюда уже никто не вернется. Не включит гирлянды разноцветных лампочек над входом в ресторанчики, не прикрепит на деревянные стендики листы с меню, не разогреет печи и плиты...

Сергеев тихо ходил по узким улочкам, заглядывал в окна, надеясь, что какой-то из магазинов или хоть одна кафешка все же открыты. Ему почему-то так захотелось посидеть в кафе. Вспомнил, что и в Москве в последние месяцы ел только дома. В Москве как-то и не тянуло, а здесь... Здесь ведь юг, здесь сам бог велел сидеть за столиком, держать в руке бокал, дышать морем, и чтоб звучала какая-нибудь ненавязчивая музыка.

И словно в ответ, словно издеваясь над мечтаньями, рядом, но откуда-то из-за стены, противно крикнуло и отрывисто захохотало:

– У-а-а! А! А! А!

Сергеев отшатнулся, ощутил, как на голове приподнялись и опустились волосы, воздух застрял в горле. И заматерился, успокаивая себя. Потом, пригладив волосы, будто они действительно растрепались от испуга, подошел к стене.

Она была капитальной, каменной, но с узкими, как бойницы, щелями. Сергеев осторожно заглянул. Деревья, беседки со столами по центру, аккуратные дорожки. Слева вольер, и по нему расхаживает синеватый павлин. Хвост волочется по сему, как веник. На шестке сидят три павлинихи, серые и маленькие, похожие на кур.

Павлин остановился, вытянул шею, напряженно замер. Казалось, заметил Сергеева. Или просто затемнение в той бойнице, что минуту назад была светлой. В павлиньем глазу выразилось нечто вроде слова «непорядок». И он снова крикнул и захохотал. Сергеев поежился, а одна из самок что-то забурчала. Наверно: «Да успокойся уже, надоел».

* * *

Было очевидно, что море где-то совсем рядом, но возникло оно неожиданно – Сергеев завернул за очередной угол, и там не оказалось улицы, новых магазинов или кафешек, а развернулось неожиданно широкая и высокая панорама. Сергеев зачарованно остановился, глаза стали жадно пить... Зеленоватая гладь над голубым небом, уходящий в воду ярко-рыжий песок, кабинки передевалок, бетонный язык пирса, обложенного камнями, неподвижные серые чайки на песке.

И он, продолжая смотреть на всё это как-то разом, пошел вперед. На мгновение представил себя со стороны – так ходят слепые; им не важно, что там под ногами.

А под ногами кончилось твердое, началось рыхлое, хрустящее, кроссовки в нем тонули, потом рыхлое сделался плотнее, потом носок кроссовки запнулся обо что-то – Сергеев не нашел сил посмотреть, о что именно, – два шага он сделал по твердому, потом снова плотное... Остановил себя у самой кромки воды.

Пейзаж постепенно отпускал. Сергеев посмотрел налево и увидел там каменистую высокую косу, а дальше, почти неразличимый из-за расстояния, угадывался город – множество микроскопических домиков. Взгляд проскользнул по горизонту. И справа оком заканчивался косой. Ту косу он уже знал – она была видна с их обрыва. Настоящий залив... И хорошо, что не бухта, не какой-нибудь фьорд – они узкие, их сдавливают суша, а здесь сушу можно и не видеть. Но она по близости, она спасет, если море станет для тебя слишком большим...

Сергеев вспомнил, что до сих пор не потрогал его. Вторую неделю здесь доживает, в трех сотнях метров, и не прикоснулся, не смочил рук. И руки послушно зачесались: помой нас, помой после того шара с кислотой внутри.

Море было спокойным, но продолжало дышать – мелкие волны медленно набегали на песок и как бы нехотя отступали. Сергеев выбрал момент и зачерпнул воду ладонями.

Она оказалась поразительно теплой и мягкой. Никогда бы не подумал, что в ноябре может быть такой – хоть купайся. Пожалел, что не надел плавок. Да, жалко. Но можно и без плавок, вообще голым – весь пляж его... Но не стал. Остановило глупое опасение, что вот заплывет, а откуда-нибудь выскочив вор и прихватит вещи. Как в каком-то рассказе Чехова...

Пошел вдоль кромки суши – песок спрессованный, почти как асфальт – в сторону города. До города, конечно, не дойдет. Так, прогуляться... Жалел, а вернее досадовал, что при такой погоде всё закрыто, всё вымерло, обезлюдил. Может, не ожидали подобной, как август, осени?... С другой стороны, так приятно быть одному. Нет, не быть, а побыть. Никого не стесняешься, слышишь только природу... Главное не нарваться на каких-нибудь гопников. Брать у него нечего, кроме телефона, сигарет и нескольких сотен рублей, но могут отделать. Отгасить, как называли это бугры в его городке...

Чайки стояли по всему берегу на почти равном расстоянии друг от друга. Метрах в пяти. Словно распределили участки и ожидали на них какой-то добычи. Что вот возьмет и свалится с неба. Или этот одинокий человек кинет вкусного... Когда Сергеев проходил мимо, смотрели на него злыми и требовательными глазами. Да, у чаек очень злые глаза.

– Нету ничего, – оправдывался Сергеев, почему-то чувствуя неловкость. – Не взял с собой.

Вспомнил, что дома у него полбатона заплесневело, и неловкость усилилась.

Кое-где на песке серовато-зеленые, уже подсохшие водоросли, оставшиеся после ночного волнения или прилива... Интересно, на этом море бывают приливы? Однажды он оказался на Белом море. Пикничок там устроили у воды. Посидели, выпили, поели, а когда Сергеев поднялся, то не увидел моря – вместо него был ребристый песок.

Заметив его недоуменный взгляд, местный сказал: «Купага. Счас там мидий на песке кишмя». И Сергеев, как маленький, с полчаса бегал по недавнему морскому дну и разглядывал мидий, пугался появлявшимся из ниоткуда холмикам – будто под землей кто-то выдавливал песок из тубика или работала мясорубка с одним отверстием.

«Это пескожил какает, – объяснил местный. – Рыба на него хорошо-о идет».

Сейчас Сергеев ожидал увидеть что-нибудь подобное. Мидий, пескожилы холмики, а обнаружил другое.

Сначала решил, что это старый мяч, почерневший от морской воды и опутанный нитями водорослей, как мехом, и слегка пнул вперед. Еще подумал: «Не так скучно будет». Представил, что побежит, отдавая пасы, финтя, пробивая по воображаемым воротам... Но мяч не покатился, а лишь качнулся и превратился в птицу – с головой, длинной шеей, тощими крыльями, клювом, похожим на шило, и красными глазами.

И тут же она вновь превратилась в черный меховой мяч.

– Всё чудесатей и чудесатей, – сказал Сергеев, чувствуя, что реальность действительно трескается и опадает ломкими черепками. И эти птичьи глаза... Говорят, птицы потомки динозавров... И фильм «Птицы» вспомнился. Сейчас чайки налетят, павлин прибежит, и этот мяч снова распрямится, как игрушка-трансформер, и – клюнет. В глаз, потом в другой...

– Эй, – дружелюбно произнес Сергеев, присаживаясь на корточки, изо всех сил стараясь оставаться взрослым, здравомыслящим человеком. – Ты чего это? Ты кто, приятель?

Хотел потрогать, но отдернул руку – мало ли, может, птичий грипп или еще что. Паразиты какие...

Пытался вспомнить, что это может быть за птица. На утку не похожа. И на кулика. Куликов он видел у себя на родине...

– Эй, птаха, что с тобой? Как помочь?

Действительно хотелось помочь. Спасти. Но как, в самом деле?

Единственное, до чего додумался – найти две палочки и, подняв на них упорно продолжавшую прятать голову где-то на груди птицу, перенести подальше от моря. На деревянный настил, наверное, для шезлонгов.

Положил; она снова коротко распустила крылья со слипшимися перьями, глянула на Сергеева и, найдя равновесие, свернулась.

Сергеев постоял над ней, продолжая думать, что делать. Выкурил сигарету. Не придумал и пошел дальше.

* * *

На обратном пути наткнулся на открытое... Это была «Шаурмячная» – так, по крайней мере, сообщала вывеска. Внутри теплый желтый свет, девушка за прилавком, а по другую сторону парень. Ждет, наверное, шаурму... Сергеев вошел.

– Здравствуйте.

И девушка, и парень посмотрели на него с удивлением, бормотнули ответные приветствия.

– Можно что-нибудь съесть и выпить?

– Кухня не работает, – сказала девушка. – Чипсы вот, сухарики, пиво.

После прогулки хотелось горячего.

– Жалко. А почему всё закрыто? Вроде и погода – дай бог...

– Сезон кончился, – ответил парень; теперь Сергеев видел, что это не покупатель, а то ли муж девушки, то ли ухажер, и пришел проведать или пообхаживать. – Вот и закрылись.

Девушка добавила:

– Чего налоги впустую платить. Всяко-разно при такой пустоте в минус работать.

– А вы что открыты? – неосторожно поинтересовался Сергеев, и девушка сразу напряглась:

– Будете покупать?

– Я хотел чего-нибудь такого... Шаурму, шашлык.

– Извините, кухня не работает. И мы тут – собираемся...

Взгляд парня теперь был враждебным; Сергеев приподнял руки:

– Я понимаю, понимаю. – Мелькнуло из Лермонтова: «Встревожил честных контрабандистов». – Не подскажите, где здесь можно пообедать нормально?

Парень посмотрел на девушку, девушка на парня. И девушка ответила:

– Выше по трассе есть «Алтын». Он должен работать. Вроде.

Уже когда вышел на трассу, вспомнил, что не спросил, далеко ли. Может, пять кмэ топтать придется. А может, и вовсе нет никакого «Алтына» – придумали, чтоб отвязался.

Но «Алтын» появился даже раньше, чем Сергеев предполагал. Широкое двухэтажное здание, в одной половине магазин, в другой, судя по вывеске и большим тонированным окнам, ресторан. Рядом заправка... Островок жизни.

Голод уже действительно теребил желудок, но больше чем поесть хотелось цивилизации. Не домашней, с приемом пищи на кухне, а такой, городской. Почему-то принято есть в ресторанах, кафешках, столовых. Не только ведь для того, чтоб не готовить самим.

Вошел и словно бы оказался в другом измерении. Большое полутемное пространство, приятная – как и хотел – музыка, вкусный запах. Не еды, но если и освежителя, то очень похожего на аромат скромных цветов.

– Здравствуйте! – раздалось приветливое, женское со стороны барной стойки.

– Добрый день, – ответил Сергеев. – Поесть у вас можно?

– Конечно. Присаживайтесь. Официант сейчас подойдет.

Ну слава богу... Никогда не думал, что от этих слов станет так приятно. «Соскучился, Олежа, соскучился», – подтрунил над собой.

Снял куртку, повесил на крючок, уселся. Свет над его столом стал ярче.

Столы размещались вдоль стен, а центр зала был свободен. Под потолком висел большой стеклянный шар, напоминая о дискотеках восьмидесятых. Потолок поддерживали шесть квадратных колонн.

Из двери рядом со стойкой вынырнул классический официант – белый верх, черный низ, – направился к Сергееву.

Поздоровался, положил перед ним папку меню.

– Спасибо, – сказал Сергеев. – Через три минуты подойдите, я выберу. – Мысленно похвалил себя за голос: деловой и при этом вежливый, чистый.

– Да выбирать, признаться, особенно не из чего, – извиняющийся фальцетик официанта. – В плане блюд. С напитками – полный набор.

Сергеев досадливо засопел; на самом деле не очень-то досадовал, но надо было показать.

– Что, всё так грустно?

– Не совсем. Давайте я перечислю, что есть? Салат, закуски?

Сергеев открыл меню.

– Мидии в сыре, например?

– К сожалению...

– Рапан?

– Отсутствует.

– Ладно, говорите сами, чем богаты. – Возмущаться Сергеев опасался – официанты люди коварные, могут и в еду наплевать, набросать козявок из носа.

Кое-как составили комплект, правда, совсем не южный, не приморский: селедка с вареной картошкой, солянка, свиные ребрышки с рисом.

– Пить что-то желаете?

Сергеев ответил не сразу. Не то чтобы растерялся от вопроса, но выбирал, вернее, решался. И решился:

– Двести грамм водки. Вот этой.

– «Русский стандарт»? Отлично. Правда, я бы посоветовал коньяк. Местный, три звезды, очень мягкий. По цене – идентично.

– А он хороший?

– Превосходный. Соседи делают, из своего винограда... Плохого не посоветую.

«Ну да, здесь надо коньяки с винами пить, – мысленно согласился Сергеев, – даже если в ноябре». И кивнул.

– Да, – вспомнил, – хлеба еще!

– Хлебная корзинка входит в заказ.

«Корзинка...»

– Замечательно.

Сходил в туалет, помыл руки, сбрызнул лицо, с удовольствием вытерся бумажными полотенцами.

Да, пребывание в ресторане вызывало тихое ликование. Будто вернулся то ли с зоны, то ли из армии или долгой экспедиции, вахты. И вот ты король жизни. Пусть даже один в зале на сто человек.

Вспомнился веселившийся Виктор-Витя. «Нет, мне до него еще далеко. Слава богу».

* * *

До армии Сергеев почти не посещал так называемые пункты общественного питания. В их городе было, кажется, три ресторана, из них два при гостиницах, одно кафе, которое вечно находилось на ремонте, и одна общественная столовая под названием «Огонек», где так пахло – запах начинался еще на улице, – что заходить туда не хотелось.

В школьной столовой он ел очень редко, двадцать копеек, которые мама каждое буднее утро ему выдавала, тратил на бананы – нет, на один банан, который вытягивал примерно на двадцатик (просил продавщицу найти пожелтей), – или на игровые автоматы, грушевый сок в гастронOME, или бросал в копилку. Внизу копилки находилось заткнутое пробкой отверстие, так что при надобности Сергеев доставал горсть мелочи...

Когда ему было лет четырнадцать, возле парка культуры и отдыха поставили самолет, кажется Ту-134, и вскоре открыли в нем кафе. Скорее, это был буфет – еду там, кажется, не готовили, из горячего имелся только чай и кофе, ассортимент составляли разные пирожки, пирожное, булочки. Но шли туда за мороженым – с ним в городе всегда была напряжёнка, как тогда говорили: дефицит.

В первые недели к самолету тянулась длинная очередь; «москвичи»-каблуки не успевали завозить продукты... Сергеев и не пытался оказаться внутри – смотрел издали, потряхивая монеты в кармане, и уходил.

Но в конце концов очередь иссякла, он поднялся по трапу, уселся в удобное самолетное кресло, заказал официантке заварное, стакан дюшеса, мороженое – три шарика; до сих пор помнил: шоколадный, клубничный и мятный... Официантка принесла, с улыбкой выставила еду на стол, но есть Сергеев не мог. Вернее, ел через силу.

Было ужасно неловко. Может, из-за малого и непривычного – в самолетах он никогда не летал – пространства. Может, из-за людей, сидевших за соседним столиком. Казалось, они наблюдают за ним. А вероятнее всего, просто не умел есть на людях. Потом привык. В армии, в студенческой столовой, в московских кафешках и кабаках...

После четвертого курса Сергеев приехал домой на каникулы. И в него влюбилась юная девушка. Вика ее звали. Влюбилась именно так, как умеют влюбляться только юные – безотрывно на него смотрела, ловила каждое слово, то краснела, то бледнела... Сергееву было приятно – он тогда вообще чувствовал себя королем жизни. Пошли первые заказы – после успеха «Клубнички» возникла мода на российские ситкомы, понадобились сценаристы, молодые, остроумные и нетребовательные; одним из таких оказался Сергеев.

Но сюжеты настоящих сценариев в нем тогда клокотали – он был уверен, что эти ситкомы только начало, стартовая площадка... В то лето писал сценарий о строителях крупнейшей гидроэлектростанции страны. Вернее, об их тогдашней жизни, в середине девяностых. Великая стройка, длившаяся три с лишним десятилетия, завершена, романтики шестидесятых-семидесятых состарились, и кем чувствуют они себя теперь...

ГЭС находилась от их города в ста километрах. А в семидесяти – поселок, где как раз и жили работники станции, ветераны строительства, их дети, внуки... Сергеев решил провести там пару дней, набраться если не материала, то духа. Позвал с собой и Вику.

Посетили музей, погуляли по широким и пустынным – людей было удивительно мало – улицам, посидели на каменистом берегу бешеного, только-только вырвавшегося из-под турбин, Енисея. В основном же занимались сексом в номере гостиницы. Ели в ресторане при ней, похожем на обычную столовку.

Но в последний вечер Сергеев повел Вику в настоящий ресторан. Названия он не помнил, да оно наверняка изменилось, как и интерьер. А тогда это было именно то, что часто показывали в советских фильмах, когда требовалось изобразить эпоху нэпа – высокий потолок, бар-

хатные шторы, громоздкие столы и стулья, которые не оторвать от паркетного пола, похожие на постельные покрывала скатерти, стены из красного дерева...

Еда тоже оказалась какой-то слишком советской, вернее, из прошлого, – биточки и зразы, бифштекс, ростбиф, говядина с горошком. По залу плыли голоса Анжелики Варум, Алёны Апиной, Татьяны Булановой, а сам зал, как и сейчас, в забытой богом Антоновке, был пуст. Только Сергеев... И тогда еще Вика.

Он, разомлев от обстановки, ощущения, что чуть ли не весь ресторан откупил, быстро накидался водкой и стал буровить чушь. Признавался Вике в любви, обещал жениться и увезти в Москву, сразу передумывал и говорил, что бросит институт, они поедут в животворящую русскую глушь. «В Верее спрячемся, в Кашире... Нет, в Коломне! Домик купим, землю, будем своим трудом жить». Он успел к тому времени поехать по Подмоскovie.

Вика смотрела на него и счастливо улыбалась.

Слава богу, что это было уже в августе – недели через две Сергеев улетел штурмовать пятый курс. В октябре познакомился с девушкой, которая стала его первой женой и матерью дочери. Дочери теперь два-дцать один. Старше, чем тогдашняя Вика...

Что с ней, где она? Несколько лет они продолжали встречаться, когда Сергеев навещал родителей. Иногда встречи заканчивались ее слезами, упреками в том, что обманул, предал, иногда – бурным сексом. А чаще всего сначала были слезы и упреки, а потом – секс.

Приезжая с женой и дочкой, Сергеев очень боялся, что они столкнутся с Викой на улице, репетировал свое поведение, если она, например, бросится с кулаками или начнет рассказывать жене, что между ними было...

Но не столкнулись ни разу. А потом Сергеев разошелся с тогдашней женой, Вика же на телефонные звонки и письма на мыло не отвечала – наверное, повзрослела и перестала испытывать к нему и любовь, и ненависть.

После смерти родителей квартиру продал, деньги расплылись. На родине давным-давно не был. О Вике постепенно забыл.

А сейчас вспомнил.

И в этом полутемном, пустом зале, под похожие на те, в том ресторане, песни, так захотелось вернуться назад. Отмотать, стереть двадцатник лет. По-другому прожить. С Викой ли, или нет, но по-другому.

А что, можно было и с ней. Симпатичная, милая, а главное – она из всех женщин его любила. Вот так, чтоб смотреть на него с открытым ртом, идти за ним хоть куда, и даже после того как женился, надеяться, что будет ему нужна...

Да, отмотать, пережить иначе. Без института, без писания на заказ, через силу, давась тошнотой... Но чем бы он занимался вместо этого? Выучился бы на другого, устроился на стабильную работу, ходил на нее пять дней в неделю, получал бы определенную зарплату в определенные дни? Сергеева передернуло. Нет, нет, не надо...

* * *

– Надеюсь, вам всё понравилось? – подставляя терминальчик под карту, спросил официант.

– Да, спасибо... А посетители вообще бывают? Что-то слишком тихо.

– Сейчас нечасто. Честно говоря, с ноября по март почти никого.

– А что не закроетесь? Кухню, наверно, содержать дороже.

Официант посмотрел на Сергеева с изумлением. И ответил:

– Как – закрыться? А вы бы куда пришли, если бы и мы не работали?

И Сергееву показалось, что этот парень всё про него знает.

– Спасибо.

– Спасибо вам, – голос официанта снова стал механически-приятным; положил чек на металлическую плоску, подхватил посуду, понес.

Сергеев прикрыл чек тремя сотенными бумажками. На чай. За это: «А вы бы куда пришли?..»

На улице начинало смеркаться. Короткий день заканчивался. С болотистого пустыря по ту сторону трассы тянуло сырým холодом. Будто там, в камышах, включили какие-то кондиционеры.

Сергеев с удовольствием выкурил сигарету и пошагал было к своему Буревестнику. И остановился – внутри дернуло: «Купи выпить. Дома посидишь». И он подчинился, завернул в магазин.

На полке тут же обнаружил коньяк, какой пил в ресторане. Закуска дома была. Расплачиваясь, спросил кассиршу:

– А соседи его здесь покупают?

– Какие соседи?

– Ну, из ресторана... У вас коньяк берут?

Кассирша помолчала и пошла в атаку:

– Ничего я не знаю! Соседи какие-то... Вы братъ будете?

– Я и беру. По карте можно расплатиться?

– Нужно.

Эта стычка не испортила настроения. Наоборот, стало легко, и Сергеев вспомнил, что иногда провоцировал людей на грубость, на ссору. Это в человеческой природе заложено: полагаться. Недаром ведь народ придумал выражение «отвести душу». Как раз про ругань, драку. Очень точно.

Обратная дорога показалась короче. Может, и шел быстрее, а может, просто уже всё было знакомо. Хоженные маршруты всегда короче новых, неизвестных.

Во дворе сидела Оляна. Дочки рядом не было.

– Привет! – улыбнулся Сергеев.

– Добрый вечер... А Дину со Славиком в больницу увезли.

– Да? Что случилось?

– У Славика понос сильный, рвота началась... Может, съел что. Он вечно тут собирает и тащит в рот.

Сергеев сочувствующе покивал:

– Ну, поправится. Что ж...

– Наверно...

– А ваша дочка как?

– Ой, хорошо вроде бы. Мульттики смотрит... Посидите со мной пять минут, если можно.

Мне одиноко. И страшно.

Это было сказано так как-то, что Сергеев тут же шлепнулся на пластиковый стул. Потом уж произнес солидно, взросло:

– Посижу, конечно. Я вас понимаю.

– Ой, это сложно понять... Нет, понять не сложно, а... как это... оказаться на моем месте – не советую.

– Да я вряд ли окажусь, – с усмешкой, но доброй, снисходительной сказал Сергеев, – я по крайней мере мужчина.

– Не в этом дело... я не про то. – Оляна, наоборот, заговорила серьезно, мучительно, вернее, и даже ее смешная интонация пропала. – Не будем... А чем вы тут занимаетесь? Не скучно вам?

Сергеев пожал плечами:

– Нет. Бегаю, читаю, пишу.

– Пишете? И про что? Если не секрет, конечно. Если секрет, то не надо.

– Да не секрет. Сценарий. – Рука сама полезла в карман за сигаретами, а глаза уставились в серый забор с детскими рисунками. – Об архитекторе, который мечтал создавать красивые, светлые дома, а вынужден проектировать так называемые челофейники. Ну, эти, большие, многоэтажные.

– Да, я знаю.

– И вот он всеми силами старается вырваться, сменить занятие, а не может. Завидует более удачливым в этом плане коллегам, рассылает резюме, но – не везет ему. В этом деле тоже везение нужно. Не одно желание. И даже не талант.

– А там любовь есть?

– Где? – Сергеев взглянул на Оляну и задержался; она выглядела такой несчастливой сейчас и красивой в этой несчастливости.

– Ну, у вас, в сценарии.

– Хм, есть немножко.

– А почему немножко?

– Можно я закурю?

– Да конечно! Я привыкла – мой даже в доме дымить пробует. Леня за порог выйти. – Она приподнялась, потянулась к стоящей на подоконнике пепельнице, глаза Сергеева жадно шупали ее тело под халатом, голые ноги, а мозг просил: «Не надо!»

Отвел взгляд за мгновение до того, как Оляна обернулась. Или через мгновение...

– Вот пепельница, чтоб не сорить.

– Спасибо... Кстати, внешние подоконники у нас без отливов.

– Это как?

– Видите, они плоские. А нужен скат. Если будет сильный дождь с ветром, то может рамы попортить.

– А-а. Ну, я не знаю, не мы ведь строили...

– Да это я так. Шучу почти, свои познания в архитектурных делах демонстрирую. Чтобы писать о человеке какой-либо профессии, нужно многое изучить.

«Может, предложить ей выпить? – думалось параллельно со словами вслух. – Нет, не стоит. Она наверняка от мужа-алкана устала. И меня таким же будет считать».

– Интересно, – покачала головой Оляна.

«Но ведь коньяк – не водка. Сыр есть. По южному так посидеть...»

– И чем заканчивается?

– Сценарий?

– Ага... Да, сценарий.

– Я пока не дописал. Даже до кульминации не дошел. Когда знаешь, чем закончится – и писать не стоит, наверно. Это уже ремесло получится, а не творчество.

– Ну а как? Ну вот архитектор, он ведь должен знать с самого начала, каким дом будет. Когда только начинает эти делать... наброски. Эскизы. Или неправильно?

«А она не такая глупая. Предложить по рюмочке все-таки? Хотя она тогда так однозначно сказала, что не любит. Когда гулянка была».

– Да нет, правильно вы рассуждаете, Ольга, правильно...

– О-о, явился! – совсем другим тоном воскликнула она; Сергеев решил было, что обращается к мужу, пьяному и вонючему. Но мужа во дворе не было.

– В смысле?

– Вон, повадился...

Возле «ауди» сидел рыжий котенок. Маленький и вполне симпатичный.

– Взялся откуда-то и ходит, – продолжала Оляна некрасиво, как оручая тетка. – А ребята его гладят, тискают, потом руки в рот... Славик, видно, и подхватил от него. Пошел отсюда!

Котенок послушно скрылся под машиной... Сергеев затушил окурок. Спросил, чтоб прервать паузу после неловкой сцены:

– А почему вас Оляной называют, а не Ольга? Если на сей раз это не ваш секрет.

Она снова изменилась – из агрессивной превратилась в смущенную. Улыбнулась углами губ, опустила глаза. Наверное, ей нравилось, когда об этом спрашивали. Или что-то приятное вспомнилось. Заткнула за ухо нить волос. Цвет вроде как пепельный, но в то же время живой, переливающийся...

– Бабуся... бабушка так называла, а потом и все стали. Я не против. Ольга как-то официально очень...

– Да, бабушки умеют правильное придумывать.

– Она и не придумала. У них на Западе такое имя частое... Ее с родителями оттуда после войны на Восток переселили. Людей мало было, на заводах надо было работать.

– Интересно.

Да, было интересно, но выпитое в ресторане отпускало, не хотелось терять это состояние легкого опьянения. А зовущую тяжесть бутылки в кармане Сергеев чувствовал каждую секунду.

– Что ж, Оляна, пойду. Дела.

– Вы из-за того, что они с Запада?

– Что?

– Уходите сразу... Что они оттуда? Враги...

– Да вы что! – Его рассмешила эта ее замысловатая логика; рассмешила и испугала. – Нет-нет. Не берите в голову вообще. Дела просто. Еще посидим завтра, поболтаем. Да?

– Да...

– Спокойной ночи, Оляна. Не грустите.

Она как потерявшаяся посмотрела на него и повторила бесцветно:

– Да...

* * *

А ночью стали долбить в дверь, в окно. Сергеев вскочил, заметался по комнате, не понимая, где он, что происходит. Он был еще пьян, долбеж выдернул из самого глубокого, такого уютного сна. Не выдернул, а выдрал. Так щипцы выдирают из челюсти здоровый зуб...

– Кто? – хрипло, морщась от давления в голове, закричал Сергеев. И ожидал почему-то голос Виктора- Вити: «Выходи, разберемся».

Но услышал другое:

– Откройте, это полиция.

«С какого хрена? – И следом более осмысленно: – За что?»

Мелькнуло, что Оляна покончила с собой. Сергеев ушел, а она повесилась... Нет, вряд ли... Скорее, это именно по его душу. Он читал, что здесь время от времени арестовывают людей. То ли настоящих шпионов, то ли шьют шпионство, подготовку терактов. А он наверняка вызывает подозрение. Поселился в ноябре у моря, шарится по окрестностям, явно что-то вынюхивает. И вот нагрянули.

«Нагрянули». Сергеев с ужасом почувствовал, что если надавят, то он признается, что шпион, быстро придумает про себя какую-нибудь правдоподобную чушь. Это не над сценарием корпеть.

– А что случилось?

– Откройте. – За окном стоял молодой высокий парень в гражданском. – Нам понятые нужны.

Понятые. Значит, с Оляной... Дура.

– Что случилось? – повторил Сергеев.

– Необходимо присутствовать при обыске. Не бойтесь. Вот удостоверение.

Человек приложил к стеклу корочки. Фото. «МВД России... Старший лейтенант полиции... дознаватель...»

Удивляясь их силе – хотя вполне могли оказаться липой, а человек грабителем, – Сергеев отпер дверь. Отпирая, мысленно останавливал себя, пугал тем, что сейчас получит в лицо, что лишится ноутбука, денег... Но отпирал.

– Извините, что в такой час, – сказал человек, не делая попыток войти. – У ваших соседей обыск. По протоколу необходимы понятые. Чтоб весь дом на уши не поднимать, решили к вам. Пройдемте?

– Сейчас оденусь... А у каких соседей? – «Неужели у Алины с теткой?»

– Вон там, через дверь... Паспорт не забудьте.

Спустя минуту Сергеев шел по террасе к крайней квартире. Спину щекотали капли воды – пытался взбодриться испытанным способом, умывшись холодной водой. Вроде бы получилось.

– Проходите, – пригласил дознаватель как радушный хозяин.

На кухне стояли девушка Алина в пижаме и наброшенной на плечи кофте и пухленькая в легкой, короткой ночнушке. За столом сидел следователь или второй дознаватель, писал.

– Итак, – обратился первый к Сергееву и Алине, – проживающий здесь Петренко... э-э...

– Михаил Степанович, – подсказал второй.

– Потихе, пожалуйста, разговаривайте, – сухо, но без всякого волнения, попросила пухленькая, – ребенок спит.

– Да, извините... Петренко Михаил Степанович подозревается в краже парового котла. Сейчас мы проведем осмотр квартиры. Задача понятых, то есть вас, удостоверить факт нахождения или не нахождения здесь котла... Конечно, его здесь быть не может, – продолжил первый доверительно и даже с некоторой ироничностью, – он попросту в дверь не влезет. Но протокол мы составить обязаны. Игорь, планировку квартиры описал?

– Угу.

– Итак, пройдемте сюда...

Сергеев и Алина заглянули в одну комнату, потом во вторую, потом в душ.

– Котла нет, – как-то облегченно констатировал первый. – Верно?

Сергеев и Алина покивали.

– Так и укажем в протоколе.

Второй, который Игорь, стал писать.

– Пожалуйста, ваши паспорта... Спасибо.

Сергеев уже бывал понятым. Один раз на станции метро «Цветной бульвар» присутствовал при обыске явно обдолбанного паренька, позже – в отделении тогда еще милиции на Малой Никитской, где шмонали подозреваемого в воровстве бумажника. И всегда его поражало спокойствие участников. И ментов, и попавшихся, и их, понятых.

Наверняка большинство задержаний происходит с криками, агрессией, заламыванием рук, искренним или притворным возмущением. Но эмоции быстро испаряются и начинается рутинная череда отлаженных операций, не требующих эмоций. Даже если бьют, чтоб сознался, то без настоящей злобы, расчетливо, может быть, с неохотой.

И сейчас процесс обыска, вернее, его имитация, составление протокола происходили предельно обыденно. И жена того, кто сейчас торчит в обезьяннике или уже в СИЗО, скорее всего, получит срок, выглядела спокойной, вернее, просто хотящей вернуться в кровать, с которой ее

подняли... Она не плакала, не спрашивала, что грозит мужу, не давила на жалость, а стояла и ждала, когда эти мужчины допишут свой протокол и уйдут. И даже голых, крупных своих ног не стеснялась. А что стесняться? Это ее дом. Дома можно и так...

* * *

– Прочитайте.

Сергеев взял лист, пополз глазами по малоразборчивым завитушкам слов. Быстро устал, и некоторое время просто смотрел в одну точку, делая вид, что читает. Пожал плечами:

– Вроде, всё так.

– Тогда распишитесь.

Алина взглянула на протокол, наверное, ужаснулась, что нужно столько всего осилить, обернулась к Сергееву: «Точно можно подписывать?» Он кивнул. Она для приличия постояла с листом в обеих руках, шагнула к столу.

– Где?

– Здесь. И вот здесь.

Скребущий звук плохого шарика в ручке, побежавшего по лежащей на твердом бумаге. Потом еще один.

– Паспорт можно? – напомнил Сергеев.

Дознаватель подал паспорта.

– Мы свободны?

– Да-да, конечно, – с каким-то сожалением, а может, с печальной завистью ответил тот. – Спасибо.

Вышли с Алиной на террасу. Было прохладно, почти светло от множества крупных, ярких звезд.

– Покурим?

– Да, надо. – Она сделала движение, словно достает сигареты из бокового кармана. – А, я же в коффе, блин. Пачка в худи осталась.

– В чем? – не понял Сергеев.

– В худи... Ну, в толстовке. Не хочу туда-сюда шариться – тетку разбужу. И так испугалась, что у нее истерика начнется, когда это стучать начал.

– Н-да... Может, мои подойдут. «Кент» восьмерка.

– Давайте... Паровой котел какой-то... сюр какой-то вообще.

Закурили.

– Умка молчит, – заметила Алина. – Иногда по полночи гавкает без всяких причин, а тут...

– Да, странно.

Но на самом деле не это было странно. Вернее, всё было странно. И жутковато.

– Ментов все боятся, – придумал нечто вроде шутки. – Даже алабаи.

Алина хмыкнула.

– Первый раз в таком качестве? – спросил.

– В каком?

– Понятой.

– Да. А вы?

– Бывало. Неприятное ощущение. – Хотелось проговорить вслух то, о чем думал минут пятнадцать назад. – У Солженицына роман есть... «В круге первом», и там сцена, где героя арестовывают, и начинается процедура обыска, оформления... Всё так отлажено. Никто не кричит, не нервничает. Такой механизм, и люди как смазанные детальки. И мы вот такими детальками сейчас с вами побыли.

– Что-то они от нее не выходят, – вместо согласия или протеста сказала Алина.

– Может, договариваются...

Сергеев сказал это специально с неопределенной интонацией и смотрел в лицо девушки. Она сначала не отреагировала на его голос, на взгляд, но вот глянула коротко, отвела глаза, потом еще. Зацепилась.

Позже он очень ругал себя, обидно обзывал, что промедлил, поступил не так, как надо было, как велела природа. Не эти придуманные человечеством ритуалы, а природа... Оправдывался тем, что она в пижаме, еще и этой шерстяной старушечьей кофте. Вот если б в короткой ночнушке... Такое оправдание только усиливало досаду: может, тебе теперь надо, чтоб женщина сама с себя всё сбросила, легла, ноги раздвинула и умоляла в нее войти?

Да, повел себя как мудень. Вместо того чтоб обнять в те секунды, когда Алина смотрела ему в глаза, он тоже смотрел. Не дождавшись его действий, отвернулась, а он предложил:

– Не против чаю у меня выпить? Всё равно сейчас вряд ли уснем...

И тут же понял, как это жалко, унижительно-лживо прозвучало. Это если бы в лесу встретились самец и самка, и самец, вместо того чтобы вскочить на нее, стал бы... Да нет, у животных тоже есть ритуалы. Но приглашение на чай... Еще бы предложил звездами полюбоваться.

Алина засуетилась, не зная, куда деть окурки, зачатила:

– Нет, нет, спасибо. Пойду. Тётя... Она рано просыпается и меня начинает дергать. Рано ложится и рано просыпается... До свидания.

* * *

С той ночи всё пошло не так.

Ну, не всё и не сразу. Поначалу Сергеев и не заметил перемен, лишь потом, вспоминая, нашел эту точку, от которой начался обратный отсчет. А может быть, придумал ее. Ведь нужно же делить свою жизнь на этапы, на периоды. И вот был здесь период какого-то внутреннего очищения, подъема, а после той ночи наступил период сползания обратно...

Насколько ночь была тихой и ясной, настолько утро оказалось ветреным и пасмурным. Сергеева и разбудили тугие удары в окна; поначалу, в полусне, представлялось, что это опять пришли менты, и он прятался от них глубже под одеялом. Но открыл глаза, посмотрел и увидел сизые ступки туч, бегущие по небу, колышущиеся деревья. Даже новые стеклопакеты не спасали от сочащегося холода.

Открыл интернет, посмотрел прогноз погоды. В ближайшие дни ветер, тучи, дождь, а послезавтра значок с дождем и снегом.

«Что, и сюда зима пришла?»

Лег обратно, укрылся с головой. Есть не хотелось, одеваться – тем более. Даже курить не тянуло. Вспомнил вчерашнее – хороший вечер в пустом ресторане, душевный разговор с Оляной, почти выпитую в одиночестве бутылку коньяка, потом этот обыск, Алина...

Захотелось секса. Впервые за последние месяцы. Возбуждался часто, но так, рефлексивно, что ли, а сейчас душа или что там требовало кого-нибудь мягкого, теплого... Нет, даже не именно секса хотелось, а близости, этой пресловутой тактильности.

Пресловутой, но необходимой. Любому живому надо, чтоб его погладили, потискали, и чтоб он погладил, потискал...

Снова взял айфон, проверил сообщения, почтовые ящики. Никто не пишет, никаких предложений. Дочь не интересуется, где ее отец, сын вовсе ограничил доступ для него к своим страницам. Конечно, злятся, что Сергеев ушел, наверняка считает предателем, еще и мать наверняка в этом его убеждает.

Кстати, надо деньги перевести. При разводе об алиментах вопрос не поднимался, договорились между собой, что он будет переводить сумму, не определенную, в зависимости от доходов.

Доходы, доходы... Доходы были, а теперь прекратились. Нет, он ожидает довольно внушительных сумм за сделанную летом и осенью работу, а что потом... С другой стороны, если не тратиться на ерунду, то денег хватит надолго. Надо отдохнуть, забыть о марафоне всех этих сюжетов, эпизодов, придумывания занимательных историй и ситуаций, вымучивания острот и шуточек, и тогда можно возвращаться.

– А ты уверен, что тебя примут обратно? – усмехнулся Сергеев. – Свято место пусто не бывает. – И поморщился от этого банального афоризма.

Айфон издал бодрое «дон-дон» – сумма ушла бывшей жене.

Сергеев открыл фотки. Пейзажи. Оказывается, часто снимал во время пробежек, стоя на террасе. Да, это давно стало потребностью, инстинктом – снимать то, что кажется интересным. Вернее, казалось в тот момент. А на самом деле ерунда это всё, пустая шелуха по сравнению с реальностью.

А вот это, правда, любопытный кадр – стебли травы, облепленные улитками. Словно ягоды сероватые. В Москве он часто встречал по осени подобное – например, во дворе их института росли несколько кустиков, и студенты любили срывать шарики-ягодки и давить ногами. Получались приятные хлопочки.

Но здесь явно видно, что это улитки, и в то же время – как ягоды. Поразительно все-таки... И Сергеев решил разыграть фейсбучную публику. После минутного обдумывания, написал: «Пулмоната околморская – единственное растение, плодоносящее животными». И выставил фото.

Буквально сразу посыпались комментарии от знакомых и незнакомых: «Это как?», «Я видела такое, когда была на юге, но никогда не знала про такое явление», «У природы сплошь чудеса!», «Эт чо за новость?!»

Сергеев, воодушевленный реакцией, написал:

«Дело в том, что пулмоната высасывает из земли животные жиры, формирует на стеблях икринки, и к концу августа они развиваются в улиток. В ноябре улитки опадают, разлагаются, а весной всё повторяется».

Перекурил кое-как, задыхаясь от ветра, и когда вернулся к компу, комментариев было уже два десятка.

«Оссподи!», «Неужели так бывает?», «“Различные раковины травы анатиферы – это гнезда, в которых образуются и вызревают птицы таинственного происхождения, коих во Франции мы называем лысухами”». Аббат де Вальмон», «Растение, плодоносящее животными, это Сорокин в чистом виде», «А можно ссылку?», «Пулмоната – это вроде не то семейство, не то подсемейство улиток. Про улиток, формирующихся в растения, слышу впервые», «Планета не перестает удивлять», «Перекопал кучу литературы, ничего подобного не нашел. Где прочесть подробнее?»

Чувствуя, что вызвал своим постом маленькую бурю, которая может превратиться в ураган и навесить на него ярлык идиота, а то и фальсификатора, фейкера, Сергеев признался: «Да я пошутил». Вместо комментариев посыпались смайлики со смеющимися рожицами.

Весь день он время от времени открывал «Фейсбук», чтоб глянуть, сколько их там. «Черт, на зарабатывание этих смайликов можно действительно всю жизнь потратить», – заругался на себя и удалил пост с улитками.

Но удалил, скорее, из-за того, что ни один знакомый не спросил: «А где ты, Олег?» Никому не интересно...

* * *

На улицу не тянуло. Там было настоящее сумасшествие стихии. Всё рвалось, тряслось, качалось. Сергеев боялся, что вот-вот отключат электричество и одновременно радовался, что плита газовая – без горячего не останется.

Видимая в окно полоска моря была молочно-белой под почти черным небом. Ясно, что там сейчас шторм.

А он один здесь, в маленькой, продуваемой колючим морским ветром квартирёнке. И справа одинокий человек – Алина в пижаме, и еще правее эта пухленькая в ночнушке, и внизу Оляна в халатике свернулась на кровати, дуреет с тоски. В доме через дорогу стройная хозяйка мопса с сонным лицом тянет вино, смотрит в стену, положив ногу на ногу; полы плаща разъехались в стороны...

В Москве даже короткие юбки, топики, легкие платья, это наряд, а вернее – доспехи. Идут по улице почти голые девушки, но снять с них этот квадратный или какой там – погонный? – метр ткани даже в воображении очень трудно, а здесь... Здесь всё так близко, как-то домашне, вроде бы запросто. Да, юг даже в ноябре, даже без купальников, даже в холод и ветер, это юг...

Часа в три наконец собрался с силами, пошел умываться. Когда чистил зубы, засмотрелся на свое отражение в зеркале. Вообще-то редко теперь себя изучал – неприятно видеть тяжелые нижние веки и мешки под глазами, всё углубляющиеся дуги морщин по обеим сторонам рта, дрябнувшие щеки, тяжелеющий нос, седые волосы на висках, и некоторые почему-то не лежат, а торчат в стороны.

Нет, вообще-то для сорока семи лет нормально выглядит, но не на тридцать.

И что должна была почувствовать Алина, когда он сделал попытку к ней подкатить? Наверняка посчитала его старым козлом, сластолюбцем... Правда, были эти три-четыре секунды, когда была готова. Когда зависла на этой черте. Он промедлил, и она отшатнулась. Но, может, и правильно, что так. Наверное, правильно. Хотя от сознания, что правильно – не стало легче.

Еще и в книге Лондона наткнулся на настоящий гимн женщине.

«Иногда я думаю, что история человека – это история его любви к женщине. Все эти воспоминания о моем прошлом, которые я сейчас записываю, сводятся к воспоминаниям о моей любви к женщине. Всегда, в десяти тысячах жизней и измерений, я любил ее, люблю ее и сейчас. Мой сон насыщен ею; мое просыпающееся воображение, от чего бы оно не отталкивалось, всегда приводит меня к ней. Нельзя убежать от нее, от этого вечного, прекрасного, всегда лучезарного лика женщины».

– Да, как назло... – Сергеев перелистнул, надеясь, что там будет о другом, но взгляд тут же выхватил:

«...Но моя женщина, моя дикая супруга, удержала меня, дикаря, каким я был, и ее глаза притягивали меня, и руки сковали меня, а ее сердце, бьющееся у моего, соблазнили меня и отвлекли от далеких грез, моего мужского подвига, самой высокой цели – убийства Саблезубого при помощи хитроумной ловушки».

– Вот именно, вот именно! – со злой радостью согласился Сергеев. – Женщины отвлекают, не дают совершить подвиг.

Знал – никто не слышит его звонкого, почти подросткового сейчас голоса, но почувствовал стыд. И за голос, и за эти слова, за глупую злость на женщин.

Но почему глупую? Не всё так просто, не всё... Вот «Отец Сергей» про это.

Еще школьником посмотрел фильм по телику. Мало что понял, но сцена, когда красивая барыня пристаёт к монаху, а тот отрубает себе палец, поразила. Вскоре нашел книгу с этой повестью Толстого, прочитал. Опять же понял не все... А может, и всё.

Что там... Полюбил молодой офицер девушку, а она перед свадьбой призналась, что была любовницей царя. Офицер стал монахом, отцом Сергием, и через несколько лет Бог или дьявол подослал к нему распутницу. Чтобы удержать себя от греха, монах отрубает палец, распутница после этого уходит в монастырь. Но через несколько лет к отцу Сергию Бог или дьявол... А ведь в Библии, кажется, сказано, что всё от Бога. Значит, Бог. Бог подсылает к отцу Сергию юную юродивую. И он не может сдержаться. Наутро после совокупления переодевается в мужицкую одежду и идет в деревню, находит ту, над которой в детстве издевался. Видит, что она живет бедно, но не в нужде – заботится о дочери, пьющем зяте, внучатах. Начинает заботиться и о Сергии. Сергей узнает в ней праведницу, уходит, странствует по Руси, старается делать добро...

Ну да, вроде так. Но конец слишком простой. А если Бог пошлет ему новый соблазн в виде распутницы или юной юродивой? Если бы та женщина была моложе и удержала Сергия, сделала своим сожителем? Ведь запросто, и сколько угодно примеров, в том числе и среди монахов – сбежавших, расстриженных, но ставших верными мужьями, отцами. И что это, грех или шанс по-настоящему человеческой жизни?

Ведь мог отец Сергей ту распутницу сделать своей женщиной и одновременно духовной подругой, мог быть счастлив с юродивой, мог сгладить близящуюся старость той женщины, к которой пришел. Может, Бог для этого ему женщин и подсылал?

* * *

А Сергееву какие-то силы подослали котенка. Того, вчерашнего, из-под машины.

Открыл дверь покурить, и тут под ногами мелькнуло рыжее. Пока Сергеев развернулся, прошел на кухню, котенок уже сидел перед холодильником.

– Ты что здесь забыл? – его захлестнуло резкое, острое бешенство; захотелось схватить за шкиряк хама и скинуть с террасы. – Пошел на хрен!

Получилось слабо, почти жалобно. Нет, это было не бешенство, а обида. Хотел одно, а получил вот такое...

– Сейчас покурю и вышвырну, – пообещал себе.

Крепкие волны ветра равномерно накатывали на дом, били в него как невидимый мешок с опилками. Наверное, так же сейчас бьют волны воды в обрыв. Теперь Сергеев был уверен, что море может до него доставать... Затягивался, стоя в стене лицом, пряча сигарету в кулаке, но порывы находили ее и здесь, раздували уголек, и сигарета уменьшалась больше не от затяжек, а от ветра...

Котенок сидел на прежнем месте – перед холодильником. Обернулся на вошедшего Сергеева и мяукнул. Не требовательно, а просяще.

– И что? – Сергеев сел на стул. – Кормить тебя? Офигеть просто...

Решил пока что оставить. Погода наладится, тогда выгонит. Будет обратно лезть – отнести подальше. Такой вряд ли найдет дорогу... А голос внутри не словами, а как-то иначе убеждал: это неспроста, это знак.

В последние годы Сергеев многие случайности воспринимал как знаки, не мог поверить, что всё случайно, бессмысленно. И в этом забежавшем именно к нему и именно в такой момент котенке чувствовал знак. Ведь ему же надо было забраться по лестнице, а в его возрасте – от силы месяца два – это непросто.

Будто поняв, что Сергеев сейчас думает о нем, котенок не спеша, с достоинством, подняв вертикально хвост, подошел, потерся о штанину, сел и посмотрел ему в глаза. Там читалось: «Да ладно, чего ты – я много не съем и места не займу».

– Пока ветер – поживешь, – ответил Сергеев. – А потом ищи другой дом. Ясно?

Котенок мяукнул, но неопределенно. И так же с достоинством направился опять к холодильнику.

– А ведь знаешь, скотина, где жратва хранится. У кого-то уже пожил?

«Да, было дело».

– И за что тебя выперли?

На этот вопрос котенок не ответил.

Сергеев не любил животных, не держал их дома. У одной женщины, с которой жил, был кот, и он так его раздражал, что Сергеев, кажется, ушел не от нее, а от этого кота. Здоровый, с наглыми глазами, независимый. Он существовал как-то параллельно в квартире, даже к хозяйке не приставал с ласками, не будил утром, чтоб кормили, а просто садился перед кроватью и ждал. Но этой своей независимостью и раздражал, выбешивал просто. Сергееву было неуютно, и он свалил.

А в детстве очень хотел собаку, и кошку, и морскую свинку. Просил родителей. Они говорили: «Подрастешь, купим. Чтобы сам ухаживал, с собакой гулял». И когда Сергеев подрос, то уже не нужен ему стал никто – перехотел, что ли, перегорел.

И вот в сорок семь лет явилось живое существо. Само. Тихо мяукает: «Дай поесть».

С каким-то беззлобным ворчанием Сергеев выбрал два блюда похуже, в одно плюхнул сметаны, в другое налил воды. Котенок полакал воды, долго обнюхивал сметану, а потом стал есть. Сергеев шевельнулся, и тот заурчал угрожающе.

– Да никто не отбирает у тебя, придурок. Сам же дал...

В тумбочке, вспомнил, есть пластиковый поднос. На первое время лоток заменит... Нарвал в него туалетной бумаги, поставил в прихожей у двери. Потом стал следить за поевшим котенком. Когда заметил, что подошел к шторе и стал присаживаться, схватил и перенес на поднос.

– Вот сюда ходи, – сказал мягко, без угрозы. – Сюда пись-пись и ка-ка. Понял?

И захотелось как-то назвать его. Вернее – потребовалось. Нужно имя.

Стоял, смотрел на замершего котенка. Вот он сошел на пол. Среди обрывков темнела крошечная кучка. Котенок понюхал ее и стал деловито пригребать бумагой.

– Молодец... – И Сергеев запнулся. Да, имени не хватало. – Как тебя назовем? Рыжун? Рыжец? – Вспомнил, что должен быть звук «с». – Рысик? Не, на рысь ты не похож... А ты вообще кто – мальчик, девочка? Давай-ка проверим?

И до позднего вечера возился с котенком. Потом допил вчерашний коньяк и лег спать. Слушал удары в стены и окна, и сквозь дрему почувствовал, как котенок, которого назвал Штормик – «ш» и «с», в общем-то, одно и то же, а пол определил как мужской, – заскочил к нему и пристроился под боком. «Вот наглец!» – успел возмутиться Сергеев, проваливаясь в сон.

* * *

Утром ветер не прекратился, к нему добавился дождь.

«Хм, как предвидел про подоконники – засекает сюда...»

Но разглядывать бьющую под стеклопакет воду и тревожиться не позволил голос котенка: «Дай, дай».

– Блин! – Самого после коньяка мутило от воспоминаний о еде, а надо идти, что-то искать в холодильнике для этого...

– Молока нет. Что, опять сметаны?.. Курицу можно сварить...
«Дай, дай».

Необходимость заботиться и раздражала, и была приятна. Как-то неожиданно приятна. К дочке Сергеев долго испытывал брезгливый страх – маленький ребенок его пугал. Стал брать на руки уже года в полтора, когда она всю сама топала, и ей не нравились его тисканья. Помнится, на удивление и обиду тогдашняя жена отреагировала осторожным упреком: «Раньше надо было, тогда бы привыкла».

К сыну он проявлял больше внимания, даже памперсы менял, укачивал. Но как-то без души, по обязанности. А вот теперь чувствовал, что ему требуется этого приبلудного Штормика сначала накормить, а потом пощекотать, поиграть. Сделать ему хорошо и приятно.

На улицу выходить не хотелось. Хорошо, что бутылка для окурков стояла здесь, в прихожей у двери. Сергеев открыл вентиляционное окошко в туалете, закурил. Дым послушно потек в окошко как в трубу.

Что, надо в Михайловку, там он видел зоомагазин. Купить корма, лоток нормальный, наполнитель, от блох какую-нибудь хрень... Вот же свалился на голову подарок...

Котенок поел, умывался. Бумажки на подносе были сухими.

– Если на пол напрудишь – получишь. Понял?

Тот не отреагировал.

– Слышишь, нет? – наседал Сергеев, будто котенок мог ему действительно ответить. – Черт, – снова встал перед окном, – дождь-то серьезный. Никаких просветов.

Не было желания ни умываться, ни надевать джинсы, свитер... Есть не тянуло, и писать сценарий, читать... Зря вчера коньяк допил – тяжелый все-таки, хоть и трехлетний. Два дня подряд прибухивать, это перебор. Не справляется организм... Сергеев косился на Штормика, оправдываясь тем, что следит, как бы тот не сходил на пол, а на самом деле любовался.

Ну, не то чтобы любовался, а с интересом наблюдал.

Котенок в свою очередь наблюдал за Сергеевым, сидя от него в шаге.

– Что, поиграть надо?

Можно бумажку свернуть и привязать нитку. Котятам нравится ее ловить... Бумажка-то есть, а нитка... Потом... Еще покурить, что ли?.. Нет, сначала кофе... Был бы зонтик, пошел бы в Михайловку.

Вместо зоомагазина представилась та наливайка с потрепанными мужичками и странной старухой, радушным кавказцем, а может, греком. Там было тепло и сухо, вкусно пахло чачей. И еще минуту назад передергивающий плечами при воспоминании о коньяке Сергеев захотел сесть за столик с рюмкой чачи, нехитрым бутербродом. Сидеть, поглядывать в окно, по которому стекают капли, слушать разговоры соседей. Наверняка там кто-нибудь есть...

– Так-так-так, – осадил себя. – Сбухиваться начал, Олег Викторович? Не надо. Сорок семь лет как-то вытерпел, а теперь алкашом становиться смешно.

Но картинка продолжала маячить. На ней Сергеев был уже почти стариком, высушенным южным солнцем и крепким алкоголем. Он сидел на краю обрыва, свесив ноги в сандалиях, рядом – на траве – бутылка, куски сыра, надкушенный мясистый помидор. Солнце жарит, море играет. На голове белая панамка, какие были в моде в конце восьмидесятых. Нет, лучше ковбойская шляпа. Не кожаная, а из какого-нибудь легкого материала... Мимо проходят парень с девушкой. Это выросшие соседские Рада и как его, Славик. «Здравствуйте, дядя Олег». – «Здоров, – хриловатым голосом отвечает Сергеев. – Купаться?» – «Да. Такая погода... Мама уху сварила, вас приглашает. Приходите». – «Приду», – как бы нехотя, как об одолжении, говорит Сергеев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.